

ОФИЦИАЛЬНАЯ СЛЕДУЮЩАЯ ГЛАВА
ОТМЕЧЕННОЙ НАГРАДАМИ ИГРОВОЙ САГИ

DISHONORED®

ПОРЧЕННЫЙ

АДАМ КРИСТОФЕР

DISHONORED

Адам Кристофер

DISHONORED: Порченный

«АСТ»

2016

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Кристофер А.

DISHONORED: Порченный / А. Кристофер — «АСТ»,
2016 — (DISHONORED)

ISBN 978-5-17-100992-2

В Дануолле появляется странный человек, закутанный с ног до головы в тяжелые, диковинные одежды. Он владеет силами, которыми некогда обладал ассасин, известный под именем Дауд. Опасаясь, что вернулся их смертный враг, Эмили и Корво, очертя голову, бросаются в схватку со временем. Если им не удастся выяснить всю правду об этом таинственном человеке, последствия могут быть невообразимо чудовищны.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-100992-2

© Кристофер А., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Пролог	5
Часть первая	13
1	13
2	21
3	26
4	32
5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Адам Кристофер

DISHONORED: Порченный

Пролог

НЕПОДАЛЕКУ ОТ ЮТАКИ

Месяц не определен, 1849–1850 год

«Тюрьмы Тивии, расположенные в тундре, в самом центре этого моноэтнического государства, отличаются от всех прочих. В некоторых тивианских трудовых лагерях в буквальном смысле нет стен. Вероятность того, что изнуренный тяжелым трудом и лишенный каких бы то ни было орудий узник сумеет выжить в суровом климате морозных пустошей, по которым рыщут стаи голодных волков, крайне мала. Более того, тюремное начальство Тивии во всеуслышание заявляет, что каждый узник волен уйти в любое время. В истории не зафиксировано ни одного случая, когда кому-либо удавалось преодолеть неблизкий путь по снегу и льду и добраться до ближайшего города».

– *ОСТРОВНЫЕ ТЮРЬМЫ*

Выдержка из отчета, составленного по указу главы Королевской тайной канцелярии

Узник остановился на краю обрыва и посмотрел вокруг. Полы его тяжелой шерстяной шинели развевались на сильном ветру, который дул из простирающейся внизу ледниковой долины. Завывания ветра были такими громкими, что Узник едва слышал собственные мысли и уж точно не осознавал всю сложность стоящей перед ним задачи.

Нельзя было терять ни минуты. У него имелось дело, которое надо было закончить.

Он зашел уже очень далеко – слишком далеко, чтобы миссия окончилась провалом, слишком далеко, чтобы сдаться, но в то же время еще недостаточно далеко. Он был все еще слишком близко к своим тюремщикам, своим *мучителям*. Он знал, что должен идти до конца, и понимал, что во всем мире есть только один человек, который способен его остановить, и этот человек – он сам.

Узник поправил черную дорожную шляпу, надвинув ее поглубже, чтобы поля перестали биться на ветру. Он осмотрел окрестности. Жуткий ветер гнал снежные вихри по безлюдным пустошам, холодное солнце лило с неба тусклый, мертвый свет.

Перед ним была тундра.

Перед ним была Тивия.

Узник повернулся, и цепи, лежащие у него на плече, соскользнули в снег. К другому их концу был прикован какой-то черный ком, завернутый в тряпье. Он дрожал. Может быть, даже всхлипывал, или плакал, или молил о пощаде, но Узник не слышал этого на ветру.

Когда-то эта *тварь* была надзирателем трудового лагеря Ютака. Теперь, сам став пленником, бывший надзиратель совсем околел – от холода, от долгого пути и от осознания, что его история подходит к концу и вскоре ему предстоит один на один встретиться с Бездной. Ведь надзиратель не был хорошим человеком и прекрасно это знал. Он знал и то, какая судьба постигнет его беспредельную душу, когда Узник закончит свое жестокое дело в этих глубоких снегах.

Его конец был близок, но еще не наступил.

Он все еще был нужен Узнику. Тот поднял цепь затянутой в перчатку рукой, удобнее перехватил ее и слегка потянул. Дрожащее ничтожество поднялось, но не на ноги, а только на колени, и поползло вперед, не поднимая головы. Его подбородок был скрыт под дюжиной слоев намотанного на шею шарфа, широкий воротник черной шинели был поднят. Шинель была такая же, как у Узника, тивианского военного образца, созданная специально для непопулярных туров по суровому, обледелому ландшафту страны.

Узник забрал свою шинель у другого лагерного надзирателя – одного из трех его пленников, который умер первым, еще в лагере, до того, как они вышли на снежную равнину. Второй скончался через два дня после начала пути, и цепь его до сих пор была прикована к запястью Узника, а толстый железный ошейник болтался у него на ремне.

Узнику нужны были трое, поэтому он и захватил троих. Первого он взял из-за одежды – тяжелой зимней униформы тивианской армии, заменившей поношенную робу, которую Узник не снимал много лет. Теперь на нем были подбитая мехом шинель, широкополая шляпа, заслонявшая мертвенный свет зимнего солнца, и связанный из шерсти распространенного в тундре черного саблезубого медведя шарф. Его глаза скрывали снежные очки первого надзирателя – два диска из полированного красного стекла, размером едва ли меньше блюдца, из которых лагерные надзиратели всегда потягивали горячий заграничный гристольский чай.

Первый надзиратель был мертв. Его смерть была неизбежна. Он не хотел расставаться со своей униформой, так что Узник взял ее силой. Впрочем, это ничего не изменило. В лагере к тому времени не осталось в живых никого, за кем нужно было бы надзирать.

Никого.

Пока Узник снимал одежду с мертвого надзирателя, два других его пленника – закованные в ошейники, жалкие – стояли на коленях на твердом полу и молча наблюдали за тем, как их новый повелитель готовится к долгому пути. Их мысли были где-то далеко. Затем Узник дернул цепи, и пленники, спотыкаясь, побрели за ним по снегу, склонив головы и бездумно бормоча что-то себе под нос.

Второго надзирателя он взял ради совсем другой цели.

Ради еды.

Не для себя, и не для третьего пленника, а для волков, которые, как догадывался Узник, почуют их, как только они покинут ярко освещенную безопасную территорию лагеря. Оказавшись за ее пределами, они два дня шли по снегу, то шагая по твердому насту, то проваливаясь по пояс. Продвигались они медленно.

Волки бегали быстро. В разгар зимы, в месяцы тьмы, сурового холода и льда, это был их мир, их удел, и, оказываясь за оградой тивианских тюрем, раскиданных по снежным равнинам, человек вторгался на их территорию незаконно, но волки были этому только рады.

И неудивительно. Беглецов – безумцев, возомнивших, что у них все получится, и покинувших лагерь, поддавшись на провокации надзирателей, – встречали здесь с распростертыми объятиями. Еды не хватало. Волчьи стаи в этом снежном мире были очень голодны.

Уходя из лагеря, Узник видел множество свидетельств прошлых побегов. Все эти мечты, все попытки были одинаковыми – плохо продуманными, отчаянными. *Невозможными*. Ведь все тюрьмы Тивии тоже были одинаковыми. Каждая представляла собой трудовой лагерь среди тундры.

Размеры лагерей разнились друг от друга. Одни были рассчитаны всего на пару десятков заключенных, в то время как другие больше напоминали целые города. Различались и принципы их работы. Осужденные за мелкие преступления работали на лесозаготовках, но и эта задача многим оказывалась не под силу, ведь деревья в окрестных лесах были твердыми, как Дануоллский гранит. Они окаменели от холода и превратились в высокие столбы вечной мерзлоты.

Но лагеря лесозаготовщиков нельзя было назвать каторгой – во всяком случае, в понимании Узника. Они были просто «исправительными» учреждениями, откуда заключенные однажды могли даже вернуться в тепло цивилизации, пусть и превратившись в тени, в призраки самих себя, после того как тяжелый труд отбил у них все мысли о борьбе и о бунте.

Остальные тюрьмы были другими. В них заключенные или работали в карьерах и дробили камни либо, как в Ютаке, спускались в темные, прорезанные в вечной мерзлоте шахты, чтобы добывать соль из неприступных, скованных льдом земных глубин.

Попасть в такие лагеря означало исчезнуть. Уж лучше смерть, но такого приговора в законах Тивии не было. На самом деле, в соответствии с извращенной логикой верховных судей – полувоенного трибунала, который держал весь остров в ежовых рукавицах, – тюремное заключение даже не считалось наказанием. По их словам, ссылка в лагеря приравнивалась к дарованию *свободы*.

Ведь в тюрьмах не было стен.

Впрочем, *надзиратели* там были. Узнику было жаль этих несчастных мерзавцев, получивших долгую командировку в снежные пустоши. Но по истечении срока службы надзиратели хотя бы могли вернуться домой. Они отвечали за управление лагерем. Следили, чтобы соблюдался порядок, работа спорилась и наказывали тех, кто не справлялся с нормой – будь то лес, соль или камень. Но препятствовать побегам в их обязанности не входило.

Побег, по мнению верховных судей, был невозможен, потому что лагеря не являлись тюрьмами. Не было ни стен, ни ворот, ни заборов. «Узников» не заковывали в кандалы, не пристегивали наручниками и не держали взаперти – ни днем, ни ночью. Фактически, в любой момент узники могли уйти – заключенные в лагере были свободными людьми, помилованными государством и получившими полное право вернуться домой, к своим семьям, в свои города и деревушки. К своей жизни.

Само собой, побег был *действительно* невозможен. Узники это понимали. Надзиратели это понимали. Это понимали и верховные судьи, но их руки были чисты и ничто не взывало к их совести.

Потому что каждый был свободным человеком.

Узник и его пленники обнаружили первое тело всего в миле от лагерных огней. То есть – половину первого тела. Вторая отсутствовала. Несчастный лежал на снегу лицом вниз, раскинув руки. Тонкая ткань робы едва прикрывала идеальную, нетронутую кожу на спине, белую, как морлийский алебастр, и такую же твердую, замерзшую навсегда.

Неизвестно, что стало с нижней половиной тела этого человека. В такой близости от лагеря несостоявшийся беглец, скорее всего, умер от холода, а не погиб в схватке с волками. Хотя, если зима выдалась особенно суровой, вполне вероятно, что его ноги отгрыз отчаявшийся зверь, рискнувший подойти к человеческому жилью ближе, чем обычно, и не успевший сожрать ничего, кроме нижних конечностей, пока его не спугнули огни и громкие голоса надзирателей. Оставшаяся часть тела прекрасно сохранилась на холоде. Может, несчастный пролежал здесь всего день, а может, и целых пятьдесят зим.

Так вот, это тело было первым. Ходили слухи, что в ясный день с северной башни Ютаки были видны и другие замерзшие трупы, лежащие даже ближе к лагерю. Но Узник ни разу не забирался на северную башню и не проверял, так ли это на самом деле.

Теперь забираться было не на что. Башня осталась позади.

Вскоре они обнаружили второе тело. Затем третье. Затем еще больше. Некоторое время Узник и его закованные в цепи спутники шли по тропе, от трупа к трупу, каждый из которых был холоден, как лед, и выглядел так, словно прилег отдохнуть на снегу и больше уже не поднялся.

Некоторые были целехоньки. От других остались лишь куски.

Вечером второго дня Узник зарезал второго надзирателя, а потом расчленил ножом с золотой рукояткой и хитрым двойным лезвием. Пока Узник вершил свое дело, последний его пленник сидел на снегу и наблюдал за всем происходящим остекленевшими глазами, словно зачарованный. Затем Узник положил волкам красное мясо и кости. На залитом кровью снегу под холодным солнцем мяса казалось мало, а от костей и вовсе не было проку, но на самом деле этого было достаточно. Не страшась волков, Узник и его последний пленник успеют добраться до ледниковой долины.

До его спасения.

Узник осмотрел три замерзших тела, только для того, чтобы убедиться, что они не подходят. Хотя он и ожидал найти немало окоченевших трупов, он подозревал, что ни один из них не подойдет для его целей. И осмотр это подтвердил. Плоть их была твердой, но ее все же можно было разрезать его ножом с двумя лезвиями, а вот кости под ней ни на что не годились: мириады кристалликов льда лишали их той прочности, которой они когда-то обладали.

Они были бесполезны.

Ему нужны были человеческие кости – *живые* кости *живого* человека. Чтобы выбраться из тундры и вернуться в мир, ему надо было прибегнуть к помощи весьма специфической магии. Поэтому он и захватил третьего пленника. Второй был нужен ради плоти. Третий – ради *костей*.

Узник осмотрел простирающуюся перед ним ледниковую долину. Пропась, над которой он стоял, резко обрывалась вниз не меньше чем на тысячу футов. Этот утес казался жутким черным наростом среди бескрайних, ослепительно белых пустошей, где земля сливалась с небом, а горизонт был лишь грязно-серым пятном, маячившим в уголках его глаз.

За обрывом простиралась глубокая и широкая долина, покрытая плотно утрамбованным снегом, по краям которой поднимались высокие зубчатые стены из огромных ледяных глыб, сиявших такой глубокой синевой, словно это был не лед, а сапфиры.

Кое-кто считал, что это настоящее чудо света, пейзаж неопишуемой красоты. Это ледяное поле открыли сотни лет назад и с тех пор не единожды запечатлели на картинах, но даже гравюры в географических талмудах, собранных в Академии натурфилософии в Дануолле, не могли передать всей невероятной красоты этой местности, от которой захватывало дух.

Это место было *ключом*.

Узник плотно замотал шарф. Широкие поля его шляпы подрагивали на ветру. Он отвел защищенные красными стеклами очков глаза от долины и посмотрел на своего последнего пленника, скрючившегося позади него на снегу. Несчастный поднял голову. Может, он почувствовал, что *момент настал*, даже несмотря на то что его мысли путались, плавая в море сумятицы и безумия. Так действовала магия Узника – магия, которая позволила ему выбраться из лагеря и поможет выбраться из тундры и вернуться в мир, в цивилизацию.

И отомстить.

Глядя на собственное отражение в снежных очках своего повелителя, последний пленник пошевелил губами, как будто желая что-то сказать, но не произнес ни слова. Стоя на коленях в снегу, пленник, бывший лагерный надзиратель, раскачивался из стороны в сторону, словно очарованный собственным искаженным отражением. Но его взгляд был расфокусирован, зрачки превратились в черные точки, кожа на лице покраснела и огрубела от холода и ветра, который завывал без умолку.

Узник под шарфом улыбнулся.

Магия, аура, не рассеивалась.

Его спасение было близко.

Свободной рукой, не прикованной к концу цепи, он, не снимая перчатки, скользнул под толстый воротник шинели несчастного. Еще даже не коснувшись ножа, он почувствовал тепло,

исходившее от двух его лезвий. Вполне возможно, подумал он, ему не нужны были ни шинель, ни шляпа, ни шарф. Вполне возможно, у него *не было* необходимости убивать того надзирателя, только чтобы забрать его одежду.

Но это было неважно. К тому же, ему понравилось первое убийство. В этой смерти было даже некое удовлетворение – слабое, но оттого не менее приятное. Возможно, потому что это был первый вестник мести, первое военное выступление против его гонителей.

Первая смерть из многих, что последуют за нею.

Узник вытащил нож из-за ремня, и взгляд зачарованного пленника тут же метнулся к лезвиям и остановился на них. Несчастный во все глаза смотрел, как они сияют золотом, вбирая холодный свет солнца и превращая его в нечто совершенно другое – в электричество, мерцающее за его закрытыми веками, в отражение огня, Великого пожара, который бесчисленное количество лет назад положил конец одному миру и дал начало другому.

Нож в ладони Узника источал тепло, и это тепло разливалось по руке и согревало все его тело. Казалось, он погружается в удивительный вулканический источник из тех, что то и дело встречались в тундре и снабжали лагерь теплом и энергией.

Затем Узник поднял нож и приставил кончик лезвия к горлу своего пленника.

– Народ Тивии благодарит тебя за службу, – сказал он.

Пленник непонимающе посмотрел на него стеклянными глазами. Узник надавил сильнее, и на белый снег хлынула горячая алая кровь.

НЕПОДАЛЕКУ ОТ ДАНУОЛЛА

7-й день, месяц дождя, 1851 год

«Боюсь, юной леди Эмили недостает дисциплины. Здесь, в Дануоллской башне, она обучается у лучших наставников Островов, но мать балует ее, поэтому девочка почти всегда витает в облаках, понапрасну тратит время на рисование или просит Корво научить ее сражаться на деревянных палках. Однажды эта девочка может стать правительницей Империи; каждая потраченная на игры секунда – это секунда, потерянная навсегда».

– *ПОЛЕВЫЕ ЗАПИСКИ:*

ГЛАВА КОРОЛЕВСКОЙ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Выдержка из мемуаров Хайрема Берроуза, датированных несколькими годами ранее

Спрыгнув с карниза и оставив его позади, она подумала сразу о трех вещах.

Во-первых, что этот карниз напротив оказался гораздо дальше, чем она прикидывала, поэтому у нее появился немалый шанс упасть, и, скорее всего, встретить мучительную и жуткую смерть, разбившись о каменную мостовую четырьмя этажами ниже.

Во-вторых, месяц дождя был не просто самым депрессивным временем года – *дайте мне вечный месяц великого холода*, умоляла она, – его сырые, дождливые ночи, пожалуй, меньше всего подходили для бега по городским крышам.

В-третьих, ее близкая и явно неотвратимая гибель была не самым славным концом для императрицы Островов, а значит, отец точно очень, очень в ней разочаруется.

Четвертая мысль – о Корво, стоящем над ее бездыханным телом, без печали, но очень расстроенным тем фактом, что она не справилась даже с таким простым прыжком, – быстро вылетела из головы Эмили Колдуин, как только она коснулась ногами плоской крыши соседнего здания. Ее тело, гибкое и атлетичное, ведомое инстинктами, которые без остановки тренировали последние десять лет, смягчило удар от неудачного прыжка, тотчас сделав кувырок. Полы ее черного плаща окунулись в собравшиеся на крыше лужи, и в воздух взметнулся миллион мелких брызг.

Завершив кувырок, Эмили сделала паузу и встала на четвереньки. Капли дождя стекали по ее капюшону и падали в лужу прямо перед ней.

Один вдох...

Второй...

Третий.

«Что ж, не так уж и плохо, – подумала она. – Лучше уж прыгнуть дальше, чем не допрыгнуть. И не просто в темноте, но еще и в дождь».

Эмили позволила себе слегка улыбнуться под капюшоном.

«Неплохо, императрица, весьма неплохо». Видел бы ее сейчас отец! Пожалуй, теперь его бы не постигло разочарование.

Она развернулась, поднялась на ноги и снова подошла к карнизу. Улыбка исчезла с ее худенького личика. Нахмурившись, Эмили велела себе *быть, черт возьми, внимательнее!* Иначе следующая ошибка действительно может стать роковой.

Да, падать было *высоко*, так что пробовать это ни в коем случае не стоило. Она сумела перепрыгнуть, но с большим трудом, благодаря лишь урокам отца и бесконечным тренировкам, во время которых она прыгала по парапету Дануоллской башни, стараясь не попадаться на глаза часовым.

Вдали блеснула молния, очертив силуэт башни. Секунду спустя раздался гром, который, как пушечный выстрел, эхом отразился от всех каменных построек города. Было поздно – точнее, уже даже рано, приближался рассвет, – и Эмили подозревала, что она единственная, кто под этим ливнем рискнул выйти на улицу.

Конечно же, на самом деле она не единственная в городе, кто думал так. Отойдя от карниза, она добежала до того места, где здание примыкало к соседнему, повыше, крыша которого представляла собой причудливую мозаику черепичных узоров, выложенную со всем тщанием ребенка, пережившего серконосского медовика.

Оказавшись ближе, Эмили ускорила, подпрыгнула, поставила ногу на подоконник, забралась выше, прижалась к стене, чтобы не упасть, вцепилась в следующий уступ крыши и подтянулась. Не останавливаясь, она продолжила хвататься за углы и выступы здания – окна, карнизы, балки, коньки, – и поднималась все выше, пока через несколько минут не оказалась на вершине небольшой прямоугольной башни, очевидно, в самой высокой точке в этой части города.

Она выпрямилась во весь рост. Несмотря на глубокий капюшон плаща, ее иссиня-черные волосы совсем промокли. Вздыхнув, она откинула капюшон и, подставив лицо проливному дождю, посмотрела на тысячу запутанных улиц и переулков, застроенных высокими, узкими зданиями из гристольского гранита или закаленного коричневого кирпича, остроконечные крыши которых, подобно клямкам, пронзали ночное небо. Это был Дануолл, *ее* город, хотя она до сих пор не могла привыкнуть к этой мысли.

Снова блеснула молния, и Эмили пригнулась, опасаясь, что ее заметят. Ее прогулка – от Дануоллской башни, по крышам до особняка Бойлов, затем через мост, названный в честь ее семьи, и, наконец, меж узких зданий, теснившихся на южном берегу реки Ренхевен, – была секретным предприятием, которое требовало хитрости.

Но ее никто не видел. Темнота и дождь надежно скрывали ее от людских глаз.

К тому же она была прекрасно натренирована. Десять лет упорной работы по ночам, когда ее не связывали императорские обязанности. Десять лет боли, порезов и синяков... И крови. Десять лет ее тренировал лучший из лучших. Сам лорд-защитник Корво Аттанго.

Лорд-защитник – и *ее отец*. Хотя годы брали свое, он все еще оставался лучшим шпионом, лучшим агентом и лучшим мастером рукопашного боя в империи.

Дождь стучал по крыше, где Эмили сидела на корточках, размышляя об отце. Она была благодарна ему за то, что он был в ее жизни. Не только за защиту – защиту, которой он окружал

ее как императрицу, как дочь, – не только за дружбу, любовь и помощь советом, официальным и нет, но и за его навыки в тонком искусстве уловок, шпионажа, наблюдения и, конечно же, хитрости и борьбы.

Те навыки, которые он воспитывал в ней последние десять лет – и даже больше. Эмили снова улыбнулась. Ее короновали почти пятнадцать лет назад. Неужели и правда прошло столько времени? Пятнадцать лет назад свергли Хайрема Берроуза, самопровозглашенного лорда-регента.

Пятнадцать лет назад Эмили восстановили на троне, который пустовал после убийства ее матери, императрицы Джессамины I Колдуин. Ее мать убили по приказу самого лорда-регента, который участвовал в заговоре дануоллской аристократии, в итоге раскрытом стараниями самого Корво.

Эмили казалось, что прошло гораздо больше времени. Целая жизнь, не меньше. Ей было десять, когда погибла мама. Теперь ей вот-вот должно было исполниться двадцать пять, и она все еще чувствовала боль потери, но только если сама позволяла себе это. Она старалась хранить мысли об императрице Джессамине глубоко в памяти – иначе было нельзя, ведь, несмотря на трагедию, ей нужно было продолжать жить и исполнять свой долг.

А это была задача не из легких. Она уже пятнадцать лет управляла империей сильной и справедливой рукой, трудясь изо всех сил, чтобы исправить все то, что натворил лорд-регент Дануолла и его приспешники. В то же время они с Корво занимались и другим, менее известным проектом, в результате которого Эмили сейчас и сидела на корточках на крыше под покровом дождливой ночи.

Здесь не было ни дворцовых стен, в которых она чувствовала себя узницей, ни правил протокола, ни этикета, сковывающего ее мысли и действия – здесь, под открытым небом, весь город принадлежал ей. Только здесь, в эту минуту, наедине с собой, она чувствовала, что может пойти куда угодно и сделать что угодно – и никто об этом не узнает.

Даже сам лорд-защитник Корво Аттано.

Ведь, насколько она знала, насколько знали все обитатели дворца – от привратников до членов ее узкого круга, живущих в самом сердце старинной постройки, – императрица сейчас спала сладким сном в своих личных покоях.

Эмили рассмеялась и, несмотря на то, что дождь немного перемежился, снова натянула капюшон.

Выбраться из башни было проще всего. В ее спальне была потайная дверь, которая вела в секретную комнату, обнаруженную ею еще в детстве, еще до того, как погибла мама и все перевернулось с ног на голову. Она никому не рассказывала о комнате, хотя и понимала, что старшие члены ее свиты знали о потайных помещениях и коридорах башни.

В просторной комнате, примыкающей к ее спальне, Эмили собрала собственный арсенал – туда вошло не только оружие и защитная одежда, плащи с капюшонами, кепки и шинели, но и золото. Все, что могло понадобиться в будущих приключениях.

Ее будущих приключениях за стенами дворца.

Хотя, если честно, ей многое из этого было не нужно. Ветки, крюки, «кошки» – все это лишь замедляло ее. Она привыкла использовать пару перчаток, подбитых кожей на ладонях и на кончиках пальцев, благодаря чему ее руки не скользили и не покрывались мозолями, появления которых во время ее ночных прогулок по крышам иначе было не избежать.

Она, как ни странно, больше всего внимания уделяла рукам. Впрочем, на то была своя причина. Она была императрицей, и ее руки постоянно целовали, их почтительно касались – в общем, внимательно изучали и друзья, и незнакомцы.

Она до сих пор, даже спустя все эти годы, не совсем привыкла к своей странной жизни.

Эмили подняла лицо к небесам, но от этого они, кажется, только сильнее разверзлись. Ливень, тяжелый, как шерстяное одеяло, обрушился с новой силой. Но даже сквозь его шум

Эмили услышала, как на Часовой башне Дануолла, возвышающейся над Округом Особняков, пробило два часа ночи.

Эмили повернулась на звук. Часовая башня была самым высоким строением в городе, не считая самой Дануоллской башни. Уже два месяца Эмили ночами бродила по городу, пересекая реку Ренхевен, гуляя, в основном, по ее южному берегу. Возможно, она приняла это решение бессознательно, стараясь не попадаться на глаза аристократам, которые по большей части жили в благополучных районах к северу от реки.

Но Часовая башня... Да, вид с нее был просто *восхитительным*, даже в дождь. И залезть на нее было интересно.

Она была еще одним испытанием.

Уже решившись, Эмили немного помедлила, надеясь, что дождь хоть немного переможется. Как ни удивительно, стихия словно подчинилась ее императорской воле, и ливень сменился просто сильным дождем. Но крыши все равно оставались скользкими, так что Эмили следовало быть осторожной. Однако у нее еще оставалось время добраться до Часовой башни и вернуться во дворец, пока никто не заметил, что ее нет. Она мысленно пробежалась по своему расписанию на завтра – нет, уже на сегодня, – но в нем не значилось ничего примечательного. Можно было немного опоздать.

Настроившись на пробежку, Эмили ступила на скат крыши, уже прокручивая в голове весь путь среди лежащих перед ней зданий и улиц.

А затем, улыбнувшись, она натянула капюшон и подбежала к карнизу...

Часть первая Спящий город

1

«ЗОЛОТАЯ КОШКА», ВІНОКУРЕННЫЙ ОКРУГ, ДАНУОЛЛ

1-й день, месяц тьмы, 1851 год

«В Дануолле есть заведение под названием “Золотая кошка”. Насколько мне известно, это купальни, хотя кое-кто и утверждает, что это бордель».

– *ПРОПАЖА ЖЕНЩИН, «ЗОЛОТАЯ КОШКА»*

Выдержка из детективной истории, разворачивающейся вокруг «Золотой кошки»

У Галии Флит выдалась замечательная ночь, чего нельзя было сказать об опойке, который валялся в сточной канаве на задворках «Золотой кошки».

Глотнув прямо из бутылки виски «Старый Дануолл», Галия посмотрела на... *Кем он вообще был?* На полах его черного бархатного камзола была заметна золотая вышивка, которая выглядела гораздо лучше еще пару секунд назад, пока не промокла и не измазалась в... в общем, в том, во что упал этот человек.

Жилет под камзолом – не тронутый грязью, но немного запачканный рвотой – был дорогим, королевского пурпура. Этот цвет подстегнул мысли Галии. Разве пурпур не означал принадлежности к высшим кругам? Или ее просто подводила память?

Пожав плечами, Галия снова глотнула виски, а затем пнула мужчину носком ботинка. Если уж на то пошло, этот стенающий имбецил вполне мог оказаться королевским посланцем какой-нибудь далекой страны. Ведь в «Золотой кошке» никто не спрашивал имен, не обсуждал ни личности, ни ранги. Все были равны, как монеты в их кошельках.

Галия снова пнула мужчину, и он перекатился на спину с грацией тюка льна, сброшенного с корабля торговой компании «Горизонт». С его губ сорвался слабый стон.

Его оружие – трость со шпагой, которую он по глупости решил обнажить прямо в доме наслаждений, – лежало разломанное надвое у задней двери «Кошки». А жаль, подумала Галия. Шпага была неплохой и могла служить изысканным аксессуаром любому аристократу, не говоря уже о ее боевых качествах. Она и сама бы не отказалась от такой, если бы не пришлось сломать ее пополам, прежде чем взять мужчину за грудки и выбросить в грязь.

Эта трость могла бы стать отличным трофеем, прекрасным дополнением к коллекции оружия, которую она хранила у себя в кабинете. Должность начальницы охраны «Золотой кошки» давала ей свободу для маневров в отношениях с мадам Стил, но даже мадам Стил, дочь прежней владелицы купален мадам Пруденс, могла бы рассердиться при виде небольшого арсенала, который Галия никому не показывала.

Пока Галия рассматривала сломанную шпагу, переулком у нее перед глазами начал слегка расплываться — давал о себе знать выпитый виски. Может, стоило передать трость Ринальдо, ее помощнику? Вдруг он сумеет ее починить?

«А, забудь». Слишком много суеты. К тому же, Галия сомневалась, что Ринальдо одобрял ее коллекцию.

Мужчина в пурпурном жилете снова застонал и попытался подняться на ноги, но у него получилось лишь встать на четвереньки, так и не подняв лица из нечистот. Не в силах сдержаться, Галия усмехнулась и резким пинком отправила мужчину обратно в канаву.

– Может, в следующий раз ты сначала подумаешь, прежде чем хвастаться своим грозным оружием перед нашими девушками? – произнесла она, но мужчина вряд ли ее слушал. Он пыхтел, как китобой, похоже, даже не догадываясь, что ему пока не удалось выпрямиться.

Галия вздохнула и уперла руки в бока. Приятное тепло от виски сменилось холодной меланхолией.

«Неужели это теперь моя жизнь?» – задумалась она. Выбрасывать неизвестных аристократов из «Золотой кошки», когда они зарывались? Ей было всего тридцать пять, и она привыкла думать, что она в хорошей форме, но когда алкогольный туман обволакивал ее пеленой – а это случалось теперь чуть ли не каждую ночь, – она чувствовала себя гораздо старше.

Снова вздохнув, она глотнула виски из бутылки, зажатой в одной руке, а другой провела по своим коротким, засаленным светлым волосам.

Куда ушло время? Что *случилось* с былыми деньками? Деньками, когда она была молода, жаждала приключений – и денег. Деньками, когда она носила маску своей банды и делала это с гордостью. Деньками, когда она ходила по пятам за своим лидером, исполняла все его приказы и помогала ему очищать город от кретинов, обогащаясь в процессе.

По крайней мере, так ей говорил Дауд. И она ему верила. Двадцатилетняя убийца, которая только-только начинала свой путь, она готова была пойти за ним хоть на край света.

Был момент, когда ей даже показалось, что ей улыбнулась удача. Билли Лурк пропала, и Галия была счастлива как никогда. Ей никогда не нравилась эта вышибала Дауда, а теперь, когда ее не стало, у Галии появился шанс выйти на первый план и показать Дауду, из чего она сделана. Показать, кто на самом деле достоин звания его правой руки и должен занять место этой мрачной амбалки.

Но потом исчез и Дауд.

Все они вскоре исчезли. Да, Томас тогда стал лидером «китобоев», во всяком случае того, что от них осталось, и сплотил бродяг и членов других банд, помельче, чтобы создать собственную новую группу, но...

Мужчина в пурпурном жилете вздохнул и глубже погрузился носом в нечистоты. Сбившись с мысли, Галия подошла к нему ближе и, чуть помедлив, нагнулась и перевернула его на спину. Одно дело пьяный аристократ. Совсем другое – мертвый аристократ, захлебнувшийся в сточной канаве. «Золотой кошке» вовсе ни к чему такое внимание.

Не то чтобы заведение было подпольным. Совсем нет. «Золотая кошка» была частью истории Дануолла – знаменитым дворцом развлечений, домом театра и бурлеска, лучшей таверной Островов. А что там происходило между девицами и их клиентами за закрытыми дверями комнат, отгороженных тяжелой шторой, никого не касалось.

Мужчина в канаве вырубился, так что Галия, уже готовая выдать ему стандартную тираду о том, за что его выставили, приберегла слова и вместо этого прикончила бутылку «Старого Дануолла». Что ж, может, это и к лучшему. Он очнется и тут же захочет провалиться под землю от стыда и смущения и на несколько дней спрячется при дворе, пока желание и похоть не возобладает над ним, и он не вернется в «Золотую кошку». Только вот Галия уже будет его ждать и возьмет плату *до* оказания каких бы то ни было услуг.

Развернувшись, она пошла обратно внутрь.

Было поздно, обычные вечерние увеселения уже подошли к концу, тихий гомон посетителей «Кошки» лишь изредка прерывался смехом или вздохом наслаждения. Последние клиенты курили, выпивали и развлекались с девицами. Шагая по главному залу, стены которого были увешаны зеркалами в тяжелых рамах и обиты темно-красным бархатом, Галия сосчитала посетителей, отключившихся то тут, то там, на роскошных диванах и креслах, не выпуская трубок из обмякших пальцев. Их ширинки были расстегнуты, а кошельки заметно полегчали с тех пор, как они перешагнули порог купальни.

«Вот, – подумала Галия. – Вот она, моя жизнь». И эта жизнь была не так уж плоха. Галия первой это признавала. Должность начальницы охраны «Золотой кошки» казалась весьма тепленьким местечком, и, в общем-то, так и было. Город перестраивался, многое менялось. Сколько лет прошло с тех пор, как осушили и восстановили Затопленный округ, где снова забилося финансовое сердце империи?

Немало. В этом и заключалась проблема.

Время текло, а в «Золотой кошке» казалось, что оно остановилось, застыло в янтаре, более не способное двигаться. Дела шли хорошо, как и всегда. Раньше, когда Галия состояла в банде «китобоев», «Кошка» была... скажем так, неприглядным местом, которое притягивало солдат, стражников лорда-регента и гостей с других островов империи, прельщенных соблазнами, предлагавшимися в ее стенах.

Дела «Кошки» наладились вместе с делами города. Когда крысиная чума осталась лишь воспоминанием и на большей части империи была восстановлена свобода передвижения, возобновилась и торговля, а с ней столицу снова наводнили путешественники, иностранцы и всевозможные высокие гости. Они везли с собой деньги, и богатство текло в Дануолл, пополняя казну – не только имперскую, но и казну горожан.

Освободившись от гнета лорда-регента, город ожил, отстроился и снова стал процветать. Что отразилось и на «Золотой кошке». Дела шли как нельзя лучше.

Да, жизнь была хороша, а работа легка. «Чудесно. Просто чудесно». Галия подняла пустую бутылку «Старого Дануолла», разочарованно взглянула на нее, подошла к барной стойке и перегнулась через нее, чтобы достать новую. Эту она забрала с собой, удалившись в свой кабинет за дверью, скрытой портьерами.

Комната была небольшой и скромной. Из мебели – пара ковров, стол и стул – все старое, выдавшее виды, в отличие от роскошного интерьера зала. Но это не имело значения. У Галии было все необходимое, включая даже окно, выходящее на главную улицу.

Да, так вот она теперь и жила.

Получала большие деньги, выбрасывая пьяниц из бара.

Она скучала по былым временам, когда «Золотая кошка» была... ну, *опасной* ее, конечно, было не называть. Но она точно была *интересным* местом. Но теперь идущая семимильными шагами джентрификация Дануолла не обошла и знаменитые купальни. Клиенты стали богаче, но при этом спокойнее.

Начальник охраны. Казалось, это уже чересчур. Галия была опытным бойцом – нет, даже больше. Галия Флит была *убийцей*.

Или... когда-то была. Давно. Когда «китобоями» заправлял Дауд.

Она села, закинула ноги на стол и принялась откупоривать новую бутылку виски.

Не то чтобы Галия не пыталась их выследить, но «китобои» были мастерами маскировки, они умели незаметно перемещаться по городу и свободно пользовались этим благодаря той силе, которой наделил их Дауд.

Найти она смогла только Ринальдо, да и то он пришел к ней *сам*. Сколько там лет уже прошло?... Пять? Нет, *шесть*... В один прекрасный день он сам пришел в «Кошку». Его темное лицо наполовину скрывала спутанная борода, лохматые, подернутые сединой волосы были скатаны в толстые и грязные дреды. Но блеск в глазах, чуть кривоватая улыбка и шрам под левым глазом были эхом его прошлой жизни, прошлой битвы – той битвы, в которой она, если ей не изменяла память, спасла ему шкуру.

Она не упускала случая напомнить ему об этом.

Зачем он пришел? Специально выследил ее, чтобы вспомнить о былых временах? Или просто решил развлечься в «Золотой кошке», не зная, что она там работает? Галия так этого и не узнала, но они разговорились, вместе посмеялись и выпили, а потом, по просьбе Галии,

хозяйка купален предоставила разовую скидку бывшему убийце. После этого она предложила ему работу, в которой он крайне нуждался.

Воссоединившись, Галия и Ринальдо стали вместе охранять куртизанок «Золотой кошки».

Может, Ринальдо и не ожидал встретить в «Кошке» Галию, но признал, что и он время от времени безуспешно пытался разыскать хоть кого-нибудь из старых друзей. Кто-то поступил на службу на торговые суда, другие работали на китобоях или на заводах по производству ворвани. Они смеялись над этим. «Китобои» стали настоящими китобоями, сменили работу, но не маски.

Пробка бутылки наконец поддалась, и Галия сделала большой глоток обжигающей жидкости и посмотрела на стоявший справа книжный шкаф. Его полки, как и большая часть комнаты, были пусты.

Только на средней, в самом центре, гордо лежала маска «китобоев».

И собирала пыль.

Не проходило и дня, чтобы Галия не тосковала по Дауду. Прошло много лет – четырнадцать, как минимум, думала Галия, притворяясь, будто не считает дни. За это время жажда никуда не исчезла. Больше того, она становилась все сильнее, перерастала в настоящую боль, а затем и в агонию, сжигающую разум. Выпивка, конечно, помогала, она притупляла боль и заглушала остальные чувства.

Этот непреодолимое желание, эта боль были не страстью к приключениям, к опасности, хотя Галия и понимала, что за все это готова душу продать. Ее новая жизнь была простой и безопасной, а простоту и безопасность Галия всегда презирала. В жизни, которую воспринимаешь как должное, нет никакой радости. Чтобы действительно ценить жизнь, за нее нужно бороться, нужно рисковать.

Но Галия терзалась не только из-за этого. Она всеми силами старалась унять боль, но в последнее время она мучила ее все чаще и чаще. И неважно, сколько она пила, сколько тренировалась в одиночестве в своей квартирке на последнем этаже, пытаясь поддерживать себя в форме, хотя у нее был лишь один враг – уходящее время.

Ей хотелось того, что ей давал Дауд, что он давал всем своим «китобоям».

Галия крепко зажмурилась и тогда, *только тогда*, сомкнув веки и наблюдая, как темнота колыхнется и поблескивает синевой, как коротнувший бак с ворванью, увидела картину из собственной памяти: как она переносилась из одной точки в другую, как время замерло на долю секунды, когда она перепрыгнула с крыши на крышу, пересекла переулок, затем широкую улицу, оказалась позади ни о чем не подозревающей жертвы и вогнала клинок ей в бок по самую рукоять, а та еще и не заметила ее присутствия.

Такой была сила – дар Дауда. Переноситься по свету как молния, когда вся геометрия мира раскрывалась лишь ей и «китобоям», предоставляя им свободу передвижений, недоступную пониманию большинства людей. Такое движение, этот перенос, и было его *силой*.

Сначала она по ней не скучала. Освободиться от гнета Дауда было все равно что проснуться холодным утром – трезвой, живой, чуткой ко всему. *Заряженной энергией*. Возможно, это была лишь реакция организма, лишенного чудесного дара.

Потом стало хуже. Чуткость сменилась болью, почти осязаемой, которая сначала погрузила Галию в отчаяние, а затем заставила взяться за бутылку. Работа в «Кошке» поначалу была отдушиной, дала ей новые перспективы, но вскоре она превратилась – как и все на свете – в рутину. Которая повторялась изо дня в день.

Понадобились годы, чтобы Галия поняла, сколь низко она пала. Однажды она проснулась, увидела, что город изменился, и тогда осознала, что потеряла недели, месяцы, *годы*, жалея себя и мучаясь от боли – той боли, которую она уже любила.

И она решила действовать. Использовать эту боль. Она снова начала тренироваться и вернулась к жизни «китобоя», пусть и не к старой работе. Мир ушел вперед, оставив ее позади, и теперь она старалась его догнать.

Выпивка, конечно, помогала, как и всегда. Ринальдо этого не одобрял. Галия сомневалась, что хотя бы раз видела, чтобы он выпил хоть каплю...

За дверью послышался тяжелый удар, затем какое-то бряцанье. Галия стряхнула наваждение и подняла голову, прислушиваясь. Звук был ей знаком. Кто-то нараспашку открыл входную дверь.

Еще один пьянчуга...

Нет. *Тот же самый* пьянчуга. Тот мерзкий опойка с тростью-шпагой. Видимо, друзья нашли его, и теперь они все вместе вернулись в купальни, чтобы заткатить скандал. Черт возьми, все эти молодые аристократы одинаковы. Думают, будто они здесь главные.

«Ладно. Хочешь сыграть в такую игру – пожалуйста». Настало время показать этим идиотам, кто здесь заправляет. И неважно, в какой семье они родились и сколько у них денег.

Галия спустила ноги со стола и подошла к двери. Там она остановилась и прислушалась. До нее доносились приглушенные голоса. Ничего необычного.

Она расслабилась. Может, они пошли своей дорогой? Может, Ринальдо и другие охранники их уже выставили?

Отлично. Галия развернулась и снова посмотрела на бутылку «Старого Дануолла», стоящую у нее на столе.

Тут из зала донесся грохот, послышались крики. Громкие крики. От удивления она сразу протрезвела. Развернувшись на каблуках, она распахнула дверь и откинула портьеру, скрывавшую ее от посетителей. Вытащила нож из ножен.

– Какого *дьявола* тут у вас происходит? – воскликнула она.

В зале царил хаос: куртизанки и их клиенты, полупьяные или и того хуже, полураздетые, дружно устремились в конец большой залы, судорожно хватая по пути одежду и закрывая лица. Пара гостей даже забилась за тяжелые бархатные портьеры, прикрывая тела драпировками.

В центре зала с ножами в руках стояли Ринальдо и трое вышибал «Кошки», готовые защитить клиентов и сдержать напор нового посетителя.

Тот, не шевелясь, стоял на пороге. На нем была темная шерстяная шинель с красными эполетами и медными пуговицами. Воротник шинели был поднят так высоко, что напоминал черный веер. Под воротником его шея была обмотана шарфом, скрывающим его рот и нос. Верхняя часть его лица тоже была скрыта за огромными круглыми линзами красных очков, каждая из которых по размеру вполне могла сравниться с блюдцем изысканного морлийского сервиза. Тяжелый, диковинный наряд незнакомца дополняла черная шляпа с широкими полями, которые упирались в поднятый воротник шинели. На руках его были толстые кожаные перчатки.

Он стоял неподвижно, как манекен в одном из магазинов Портновского Угла.

Ринальдо размял шею и поднял нож.

– Не знаю, *друг*, кто ты такой, но так сюда не врываются. Либо показывай лицо и деньги, либо мы швырнем тебя в канаву на задворках и возьмем плату за свои услуги.

Незнакомец ничего не ответил. Казалось, он просто стоял, но Галия понимала, что, скорее всего, он внимательно осматривает комнату и всех присутствующих в ней скрытыми за огромными стеклами очков глазами. Его руки были сжаты в кулаки, а под огромной шинелью мог скрываться целый арсенал. Может, на дворе и стоял месяц тьмы, но *настолько* холодно не было, даже среди ночи. Его странный наряд был не к месту.

Если только он ничего не скрывал.

– Так, довольно... – сказала Галия, шагнув в сторону незнакомца и выставив перед собой нож, но слова застряли у нее в горле, когда мужчина повернулся к ней лицом. Ей было не по

себе из-за того, что она ничего не могла разглядеть. Перед ней было лишь ее собственное, слегка искаженное отражение в его очках.

Она посмотрела на его руки. Он не пытался достать оружие, а пуговицы его шинели были застегнуты до самого горла. Если он что-то под ней и прятал, он не смог бы быстро это достать.

Галия нахмурилась, а затем кивнула другим охранникам.

– Ринальдо, покажи нашему другу, где выход, и подрежь завязки его кошелька.

Буркнув что-то в ответ, Ринальдо двинулся вперед.

Тут незнакомец словно ожил. Его локоть резко поднялся и вылетел вперед, а сам он чуть попятился. Удар пришелся Ринальдо в грудь. Тот пошатнулся, но сразу выпрямился и дал подручным знак атаковать нарушителя спокойствия. Галия тоже бросилась в драку, целясь ножом прямо в замотанный шарфом кадык неизвестного.

Вдруг она споткнулась и тут же встала как вкопанная, чуть не налетев на Ринальдо и остальных.

Незнакомец пропал. Исчез, не успели они и глазом моргнуть.

Клиенты «Кошки», большая часть которых все еще толпилась у задней стены, дружно ахнули. Галия развернулась, не опуская ножа, и осмотрелась, не веря своим глазам. У нее за спиной Ринальдо и остальные вышибалы встали спина к спине и начали медленно расходиться в стороны, обследуя все углы.

Это было *невозможно*. *Невозможно*.

Галия остановилась.

Нет, неверно. Пожалуй, просто маловероятно, ведь она уже такое видела. На самом деле, много лет назад она и сама была способна на такое.

Пока Дауд не пропал, не бросил их, не забрал с собой свою магию.

– Покажись! – крикнула она, и клиенты снова испуганно ахнули. Раздался хруст. Все повернулись на звук и увидели незнакомца на другом конце зала.

Нет, не его. А всего лишь его отражение в огромном зеркале в позолоченной барочной раме, одном из многих, что висели на стенах купален. Галия тотчас развернулась, инстинктивно чувствуя, что незнакомец стоит у нее за спиной.

Но... его там не было.

Она развернулась снова и увидела, как отражение незнакомца *вышло* из зеркала и оказалось в зале, а в зеркале отразилось его отражение.

Галия заскрежетала зубами.

– Фокус отличный, – процедила она, – но ты выбрал не тот зал, где его стоит показывать.

Она бросилась вперед, Ринальдо и остальные последовали за ней.

Вот теперь – *теперь* – ночь стала и правда неплохой. Давненько ей не случалось выпускать кишки разбушевавшемуся клиенту.

Но незнакомец двигался быстро, даже несмотря на тяжелую зимнюю одежду. Он мастерски отразил нападение Галии, отражая удары одной рукой и отвечая другой. В драку вступили Ринальдо и другие вышибалы. Охранники «Кошки» окружили незваного гостя. Все они были отлично подготовлены. И готовы к схватке.

Похоже, то же самое можно было сказать и о незнакомце. Оказавшись в самом центре заварушки, он вертелся, как дервиш, и полы его шинели летали в воздухе, пока он блокировал удары, атаковал и контратаковал противников. Нож Галии и нож Ринальдо тоже несколько раз блеснули в воздухе, но в пылу битвы даже острейший клинок не смог бы пробить толстое сукно черной шинели.

Через несколько секунд один из вышибал упал с окровавленным лицом и пополз прочь под крики клиентов. Заметив это краем глаза, Галия с воплем бросилась в атаку. Сражаясь, она увидела улыбку на губах Ринальдо, который наступал с другой стороны. Он наслаждался схваткой не меньше нее. Как в старые добрые времена.

Незнакомец попятился под натиском. Галия воспользовалась этим и прижала его к стене. К другому огромному зеркалу.

Снова раздался хруст, словно кто-то прошел по снегу в тяжелых ботинках.

Противник исчез.

Краем глаза уловив какое-то движение, Галия повернулась и увидела, как он вышел из другого зеркала, прямо в толпу испуганных клиентов. Крича, они бросились врассыпную, но незнакомцу не было до них дела.

Последний из подручных Галии подскочил к нему, но тотчас был нокаутирован точным ударом. Стоящий возле Галии Ринальдо напрягся. Она схватила его за рубашку.

– Нет. Подожди, – сказала она.

Вместе они не сводили глаз с незнакомца, которому, казалось, все было нипочем. Его шарф, очки и шляпа оставались на месте. Он не двигался.

Галия вышла вперед. Поигрывая ножом, она взглянула на очки незнакомца. Затем перехватила рукоятку и сунула нож обратно в ножны.

– Галия, милая, – начал Ринальдо, – что ты...

– Заткнись, Ринальдо.

Галия склонила голову набок. Ей было...

Вообще-то, ей было *хорошо*. Голова слегка кружилась, и не только от виски. Ей понравилась драка, хотя она не по этой причине держалась за свое место, – но, что важнее, один вид незнакомца, этого незваного гостя, снова разжег в ней огонь, который угас много лет назад.

Незнакомец был одет в странный костюм, больше подходящий для снегов Тивии. Он сражался, как солдат. И двигался так молниеносно, что, казалось, проходил сквозь зеркала.

Это был не перенос, не способность останавливать время и перемещаться из одной точки пространства в другую, не дар, которым Дауд делился со своими «китобоями».

Но... близко. Это тоже была *сила*.

Галия посмотрела в красные очки незнакомца, и все закружилось у нее перед глазами, как будто она падала, падала, падала...

Она видела людей. Много, много людей, головы которых были покрыты капюшонами, а лица – большими масками со стеклянными глазами. Их респираторы подрагивали, пока они сражались с врагом, с городской стражей, с ренхевенским речным патрулем, который падал под их натиском.

Впереди всех был «китобой» в темно-красной тунике. Их предводитель. Лучший из лучших. Он выкрикнул что-то, и Галия узнала этот голос.

Это был ее голос. Ее люди. Она была предводителем. Она была лучшей из лучших.

А затем Галия-предводитель исчезла в водовороте чернильной пустоты, и за ней последовали остальные...

Галия пошатнулась, стены перестали вращаться. Она чувствовала жажду, чувствовала обжигающую боль. На минутку, на какую-то *секунду* Галии захотелось выкрикнуть свое желание, свою потребность поделиться этой силой со странным незнакомцем.

Но это чувство тут же пропало.

Она поджала губы. Ей нужно было знать. Нужно было выяснить, кто этот человек и зачем он сюда пришел. Это был не Дауд. Для Дауда он слишком высок. Но все же – маскировка, одежда... *сила*. Может, он *знал* Дауда?

Может, он...

– Галия Флит, – сказал незнакомец, и Галия ахнула, попятившись.

Его голос был громким, но чуть приглушенным шарфом. Мужским, низким, звучным, но... грубым. Хриплым. Галия бы даже подумала, что он кажется больным, если бы своими глазами не видела, с какой легкостью этот человек разметал четверых крепких охранников.

Она открыла рот, чтобы ответить, но слова не шли с языка.

– Галия, я пришел не для того, чтобы бороться с тобой, – сказал незнакомец. – Я пришел тебя спасти.

2

НОВЫЙ ТОРГОВЫЙ ОКРУГ, ДАНУОЛЛ

8-й день, месяц тьмы, 1851 год

«Когда я выходил за городские стены, встречи на заброшенных кладбищах и среди руин часто устраивались людьми с дурными намерениями».

– *СЛУХИ И НАБЛЮДЕНИЯ: ДАУД*

Выдержка из донесения тайного смотрителя

Эмили посмотрела вниз с крыши здания, стоявшего на западной стороне просторной площади. Вглядевшись в темноту, она на секунду задержала дыхание, пытаясь понять, какого черта там происходит.

Было поздно, позднее, чем ей бы того хотелось, но она проделала долгий путь – возможно, ушла даже слишком далеко. Она выбралась из Дануоллской башни, перешла мост Колдуинов и, обогнув особняк Бойла, забралась на высокую Часовую башню у северной оконечности Округа Особняков. На башне она ненадолго задержалась, размышляя, куда пойти дальше.

Ночь была холодной, но спокойной. Ливни и ветра, которые неизменно терзали город последние несколько месяцев, теперь уступили место коротким дням и длинным ночам. Стало прохладно. Сегодня моросил дождь, но в просвете между тучами сияла яркая полная луна.

Север. Она решила отправиться на север, на окраину города, где как раз шло строительство и росли целые новые округа, из-за которых стены Дануолла отодвигались все дальше, в единственном направлении, доступном для расширения города. Те районы она знала не слишком хорошо, но поэтому она и устраивала себе эти ночные экскурсии. Юридически это был *ее* город, и ей хотелось знать этот город не хуже, чем она знала интерьер Дануоллской башни.

От Часовой башни она пошла по широкому проспекту, который вел не строго на север, а на северо-запад. Она шла почти час, время от времени останавливаясь, чтобы оглядеться, сделать наблюдения. На улицах было тихо, но Эмили не забывала о предосторожностях: она держалась в тени и старалась обходить стороной окна и двери, а по возможности и сами улицы. Она заметила нескольких прохожих: пару патрулей городской стражи, пару парочек, уныло бредущих домой после вечерних развлечений.

Исследовать город в это время года было удобно – было холодно, но не *слишком*, и она вполне могла оставаться незамеченной. Предвестников зимы было достаточно, чтобы люди ночами не казали носа на улицу, а она не замерзала до смерти на своих прогулках.

В конце концов она добралась до старой городской стены и, проскользнув в тени мимо патруля городской стражи, перелезла на другую сторону. Там начиналась новая территория. Город рос и поглощал маленькие городки и деревушки, прежде стоявшие порознь. Эмили присела за коньком крыши высокого дома, который вместе с десятком других выходил фасадом на старую площадь.

Вот только... это была не площадь. Не совсем. Эмили посмотрела вниз и через пару секунд поняла, что на улицах этого нового округа было не просто тихо – на них *вообще никого не было*. Буквально. Казалось, это жилой район: дома были плотно прижаты друг к другу и стояли рядами, как и в других частях города, но здесь они были больше и через равные интервалы их разделяли узкие переулки. Район выглядел довольно уютным, но тут Эмили догадалась, что эти большие, просторные дома на самом деле пусты.

Впрочем, чему тут удивляться, подумала она. Может, эпидемия крысиной чумы и закончилась пятнадцать лет назад, но тогда город очень сильно пострадал. В некоторых районах жителям пришлось покинуть свои дома, потому что их улицы стали слишком опасны, когда

болезнь принялась захватывать одну семью за другой, превращая соседей, родственников и друзей в жалких плакальчиков.

Это, в свою очередь, развязало руки преступникам – на улицах появились банды. Банда с Ботл-стрит, «Мертвые угри», «Шляпники», а затем и «Забойщики с Парламент-стрит». Районы города, где раньше стояли уютные дома, в которых жили счастливые семьи, превратились в бесхозные пустоши, куда перестали заглядывать даже городские стражники.

Но это было давно. Все уже поросло быльем. Дануолл изменился. Крысиная чума осталась в прошлом, и, управляемый Эмили, город обновлялся и расширялся на север, за старые стены.

Включая в себя вот такие районы.

Приглядевшись, Эмили поняла, что дома не разрушены, но заброшены. Площадь и выходящие к ней здания, скорее всего, были частью большой деревни или городка, покинутого после эпидемии. При перестройке Дануолла весь этот район наверняка был целиком выкуплен одним застройщиком. Такое случалось сплошь и рядом.

И пока что дома спали, терпеливо ожидая ремонта и реставрации.

Пока что они были пусты.

Но вот площадь – *нет*.

Эмили пригнулась и подползла ближе к краю крыши, чтобы лучше видеть окрестности. Оказавшись на самой кромке, она накинула капюшон. Собравшиеся на нем дождевые капли застучали ей по носу, и Эмили быстро смахнула их. Пошарив за пазухой, она вытащила подзорную трубу – короткую, стальную, богато украшенную медными завитками. Приставив ее к правому глазу, она двумя руками настроила фокус и ясно увидела людей, суетившихся внизу.

Площадь была размером футов сто на сто, по периметру ее шел высокий железный забор. Похоже, это был частный парк для местных жителей: теперь же он зарос сорняками, трава стала слишком высокой, кружевные металлические беседки и кованые скамейки, некогда представлявшие собой места для отдыха и раздумий, теперь тонули в сорняках. В дальнем углу парка стояло узловатое дерево, голые ветви которого тянулись к ночному небу, как костлявые пальцы, резко очерченные в лунном свете.

Кроме беседок и скамеек, в парке было и еще кое-что. В тусклом свете луны виднелись высокие камни, часть из которых едва была видна в траве, доходящей до пояса. Камни стояли кривоватыми рядами и торчали под странными углами. Некоторые и вовсе лежали на земле.

Вдруг Эмили поняла, что это не парк и не частный сад. Опустив подзорную трубу, она посмотрела вниз невооруженным взглядом.

Это было кладбище.

А значит, люди, которые работали на нем под покровом ночи, были расхитителями могил.

Эмили снова посмотрела в подзорную трубу и подкрутила ее так, чтобы увидеть все как можно ближе. На кладбище орудовали пять человек. Каждый из них, чтобы не замерзнуть, был одет в длинное пальто, их головы, как и голову Эмили, скрывали капюшоны. Но, в отличие от Эмили, все эти люди были в масках. Они работали в слабом желтом свете фонарей, которого, по мнению Эмили, было мало. Время от времени свет падал им на лица, но со своей позиции даже в подзорную трубу Эмили не видела ничего, кроме ярких отблесков, будто на всех внизу были надеты очки.

В западной части кладбища виднелись высокие железные ворота, которые никогда не закрывались. Их створки удерживали на месте ветви густого кустарника, давно проросшего сквозь все их ажурные детали. У ворот Эмили увидела крытый фургон. Запряженная в него лошадь не двигалась и стояла тихо. Из ноздрей у нее то и дело вылетали облачка пара, а люди тем временем продолжали работать.

Продолжали *копать*.

Кладбище казалось старым. Один из злоумышленников облокотился на высокий могильный камень и наблюдал за двумя поделщиками, стоящими по пояс в разрытой могиле. Рядом с ямой стояли еще двое.

Секунду спустя они перестали копать. Эмили не слышала, чтобы кто-то из них что-нибудь сказал, но та троица, что наблюдала за работой, тотчас пришла в движение и принялась отчаянно жестикулировать. Один из копателей выбрался из могилы, схватившись за руку товарища, а другой пригнулся и исчез под землей.

Четверо человек склонилось над раскрытой ямой, некоторые даже опустили на колени и протянули руки вниз. Медленно, с большим трудом они подняли из-под земли длинный ящик и боком вытолкнули его на край могилы. Эмили подкрутила подзорную трубу, чтобы разглядеть все лучше.

Последний человек выбрался из могилы, встал на колени и припал к земле возле выкопанного гроба, словно проверяя что-то. Удовлетворившись осмотром, он поднялся на ноги и махнул остальным. Двое подняли гроб, держа его каждый со своей стороны, и быстро потащили через кладбище к воротам. Двое других побежали вперед них, откинули парусиновый задник фургона и залезли наверх, чтобы принять саркофаг.

Эмили снова приблизила изображение и ахнула. Ее сердце забилося скорее, как только она увидела, что еще было в фургоне.

Другие гробы.

Четыре, может даже пять. Новый положили рядом с остальными.

Эмили снова посмотрела в подзорную трубу на маленькое кладбище. Похоже, эти ребята зря времени не теряли. Судя по всему, было разорено уже несколько могил. Эмили не заметила их раньше, потому что отвалы темной земли затерялись в тенях заросшего кладбища.

«Что, во имя Островов, здесь происходит?» – подумала Эмили.

Может, они расчищали место? Вдруг весь этот район со всеми домами планировалось снести, а значит, нужно было перенести и кладбище? Тогда все было бы вполне оправданно... Но Эмили понимала, что на самом деле все иначе.

Было в них и в их работе что-то такое, отчего ей становилось не по себе. Если бы их действия были законны, вряд ли они стали бы работать среди ночи, так ведь? Таким обычно занимаются при свете дня, под надзором городской стражи или хотя бы работника градостроительного бюро. Эмили не знала наизусть все стройки Дануолла – запомнить все это было невозможно, да и необходимости в этом не было, – но могла легко проверить что угодно.

Нет, было в этом что-то... *зловещее*. Эти люди были не только в капюшонах, но и в *масках*, они работали молча, под покровом темноты, при тусклом желтом свете фонарей.

Все это было крайне подозрительно и совершенно точно не официально. Они просто были расхитителями могил. Может, это остатки одной из старых уличных банд искали новые источники дохода, похищая захороненные вместе с богачами драгоценности?

При этой мысли внутри у Эмили все похолодело. Она села на крышу, снова скрывшись в тени высокого конька и обдумывая происходящее.

И нашла решение. Довольно простое.

На кладбище было пятеро незнакомцев в масках. Они занимались своим темным делом и полагали, что вокруг никого нет.

Пятеро грабителей. И одна она.

Ответ пришел почти сразу. Она могла с ними расправиться. Могла *остановить* их, положить конец их ужасным ночным похождениям. Она *знала*, что все это в ее силах.

Эмили снова подползла к краю и посмотрела на кладбище, на воров, на окрестные здания.

Она могла с ними справиться. Она это *знала*. Корво прекрасно ее обучил, и теперь ей выпала отличная возможность применить полученные навыки на практике. Это был *ее* город.

Эмили сунула подзорную трубу за пазуху и снова осмотрела кладбище и дома. Наблюдая, как грабители возвращаются к могилам, готовясь вскрыть еще одну, она прокручивала в голове все позы и движения, необходимые для атаки. Она догадывалась, что эти люди, скорее всего, были вооружены, ведь они творили беззаконие.

Прекрасно. Просто прекрасно.

Она посмотрела вверх, оценила свои шансы и пришла к выводу, что, если она пойдет вдоль восточной стороны площади, где находится здание, украшенное причудливым балконом, нависавшим над улицей и почти доходившим до ограды кладбища, она сумеет незаметно спуститься на землю, не выходя из тени, и обнаружит свое присутствие, только когда окажется на боевой дистанции. Грабители как раз будут копать могилу. У нее будет преимущество.

Она могла это сделать.

Она *знала* это.

Она поднялась с мокрой крыши и посмотрела вправо, проверяя свой маршрут.

На крышу соседнего здания, которое на пол-этажа выше. Перепрыгнуть конек, спуститься на оконный карниз углового дома. Вверх по водосточной трубе, затем по крыше, чуть ниже на выступ. Спрыгнуть на балкон, спрятаться в тени за колоннами и оценить обстановку.

Осмотреться, продумать дальнейший путь.

Грабители даже не заметят ее приближения.

Эмили повернулась и, пригнувшись, побежала к своей первой цели, а затем вдруг остановилась и пригнулась, чуть не распластавшись на крыше. С замиранием сердца она подняла голову и еще раз взглянула на тот балкон, куда собиралась направиться.

Там уже кто-то был. Кто-то прятался – и прятался очень хорошо, – но наметанный глаз Эмили заметил движение, поэтому теперь она видела человека так же хорошо, как если бы он стоял перед ней при свете дня. Он был всего лишь тенью, но на нем был капюшон и... да, и маска. Ну конечно! Он стоял на стреме. Но никакого сигнала не подал, а значит, и сам не заметил ее.

Эмили с облегчением выдохнула.

«Что ж... Какая разница?» – подумала она. Можно расправиться и с этим.

Хотя...

Она еще раз проверила свой маршрут. Он никуда не годился. Заметить ее с кладбища было невозможно, но вот человеку, стоящему на балконе, она будет видна как на ладони.

Он не мог не увидеть ее.

Вообще-то...

Эмили замерла и инстинктивно задержала дыхание, мечтая раствориться в тени, слиться с крышей, пропасть в ночи, обратиться в ничто.

Человек на балконе стоял за колонной, но смотрел как будто прямо на нее. Лунный свет выдавал его, отражаясь от маски.

Вот *теперь* он точно ее заметил. Он мог предупредить своих поделщиков в любую секунду, так что о внезапном нападении можно было забыть. Грабители подготовятся ко встрече с ней. Хотя Эмили все еще горела желанием вступить в бой, с появлением еще одного человека – и как знать, может, в пустых зданиях их скрывалось куда больше, – ее перспективы были уже не столь радужными.

В этом не было никакого смысла. Нужно было уходить. Она была императрицей Островов. Ей вообще не полагалось здесь находиться – и уж точно она не могла здесь *погибнуть*.

Как только человек на балконе отвернется...

Секунды тянулись, как минуты, пока Эмили лежала на крыше, не смея пошевелиться и глядя на противника. Он тоже не двигался. Но и сигнала своим друзьям не подавал. Возможно,

он не знал наверняка, что видит. Возможно, как и она, он выжидал, считая время, чтобы во всем убедиться.

А затем он исчез, скрылся в тени в мгновение ока. Наверное, вошел в пустой дом, чтобы спуститься к подельникам и сообщить им, что на крыше шпион.

Эмили глубоко вздохнула и решила, что на сегодня приключений хватит. С расхитителями могил можно было разобраться и по-другому. В официальном порядке. Эмили вдруг почувствовала себя глупо и сама испугалась того риска, на который готова была пойти.

Она приняла другое решение – вернуться в безопасную Дануоллскую башню. Утром она пошлет патруль городской стражи расследовать этот случай и справится у Корво, не замечали ли его шпионы чего-нибудь странного.

Эмили отползла назад и скрылась за коньком крыши, кладбище и грабители исчезли из виду, так и не прервав своего молчаливого преступного занятия. Она ожидала, что раздастся какой-нибудь сигнал или крик, но тишину ничего не нарушало.

Пока что.

Развернувшись, Эмили направилась домой.

3

НОВЫЙ ТОРГОВЫЙ ОКРУГ, ДАНУОЛЛ

8-й день, месяц тьмы, 1851 год

«Умерь Беспокойные Руки, которые быстро становятся слугами Чужого.

Не знающие честного труда, они вечно ищут сомнительные источники дохода, хлопочут попусту и тянутся к насилию. Какой толк от рук, которые убивают, крадут и сеют разрушение?»

– ТРЕТИЙ ЗАПРЕТ

Выдержка из работы, описывающей один из Семи Запретов

Корво Аттано скользнул в тень массивных колонн возвышавшегося над балконом портика. Он внимательно посмотрел на крышу справа от себя, терпеливо наблюдая за тем, как Эмили Колдуин медленно отползает на животе назад и скрывается из виду. Если все было так, как он надеялся, она решила не рисковать и вернуться в Дануоллскую башню.

Она была просто умницей – Корво первым был готов это признать. Последние несколько месяцев Эмили ночами бродила по городу, сбегая из Дануоллской башни, чтобы наблюдать за жизнью своих подданных и следить за обновлением, реставрацией, перестройкой города. Каждую ночь она заходила все дальше. Сегодня она впервые зашла так далеко на север, что перелетела через старую городскую стену и оказалась на территории Нового Торгового округа.

«Хорошо», – думал Корво. Это было очень, очень хорошо. Нет, даже лучше – это было просто *превосходно*, ведь она теперь применяла на практике все, чему научилась за полтора десятилетия, пока они тайком тренировались за стенами башни.

Корво сопровождал ее во всех ночных вылазках и, не выдавая своего присутствия, присматривал за юной императрицей, прыгавшей по крышам так быстро и ловко, что под впечатлением оказывался даже он.

В понимании Корво он был *обязан* следовать за ней, причем у него было два повода следить за ее безопасностью. Во-первых, таков был его долг как лорда-защитника: императорский двор встал бы на уши, узнай кто-нибудь, что ночами императрица в одиночку бродит по городу.

Во-вторых, будучи отцом Эмили, он был связан и другим долгом – защищать дочь, но в то же время позволяя ей размяться, измерять пределы своих возможностей, оттачивать мастерство и выяснять, на что она способна.

Само собой, она не слишком рисковала: он видел достаточно, чтобы это понимать. И все же он не мог расслабиться, зная, что она бродит где-то одна. Корво был всегда начеку, не позволял себе потерять бдительность и был готов в любую минуту прийти ей на помощь, хотя пока ему, к счастью, еще ни разу не приходилось вмешиваться. Из-за постоянного напряжения ночи, проведенные в погоне за Эмили, выматывали его.

И все же он хорошо ее обучил, пускай эта мысль и была для него нескромной. Но отрицать это было глупо. Эмили была идеальной ученицей. Она хотела, чтобы ее не только учили, но и подталкивали вперед. Они тренировались почти пятнадцать лет – пятнадцать лет они изучали и практиковали искусство незаметных перемещений и рукопашного боя. Защиты и обороны. Они прошли очень длинный путь, с тех пор как Джессамина покинула престол. С тех пор как они с Эмили, тогда еще совсем маленькой, все лето напролет сражались деревянными палками.

Но времена меняются. Теперь у императрицы было все, чего она хотела, все навыки и умения, которые она воспитывала в себе, намереваясь вписать свое имя в историю и стать не просто императрицей, а настоящей защитницей.

И Корво гордился этим донельзя.

Как и тем, что Эмили до сих пор не догадывалась, что ее защитник всюду следует за ней... Да, она была *хороша*. С этим не поспорить. Просто он был *лучше*, ведь он был отлично обученным убийцей, у которого за плечами были многие годы опыта.

Не говоря уж о целом ряде его способностей, которые Эмили и не *снились*...

Но сегодня он позволил ей увидеть себя. Ненадолго, как раз чтобы не спугнуть ее, но заставить вести себя осмотрительнее. Вот только он *все равно* ее спугнул, а жаль, ведь Корво хотелось посмотреть, на что она способна.

На кладбище было пятеро грабителей, и Корво не сомневался, что она может всех их одолеть в битве. *Вот только...*

Вот только сомнения у него все же были, да?

Хотя... нет, забудьте. Это *он* еще не был к такому готов. Он все еще оставался лордом-защитником, а Эмили по-прежнему была императрицей. Хотя ей не терпелось ввязаться в драку, найти приключений, вырваться из той рутины, в которую ее затягивали скучные и довольно однообразные государственные дела, он не был готов позволить ей так сильно рисковать собой.

Было еще рано.

Обрадовавшись, что Эмили скрылась, Корво снова посмотрел на кладбище. Он стоял на причудливом балконе, который больше напоминал площадку для официальных выступлений, а не прохладный уголок, где можно потягивать горячий чай, наблюдая за городской суетой.

Он уже бывал здесь, и не раз. Этот маленький городок находился так близко к Дануоллу, что практически был его частью, хотя их и разделяла городская стена. Это был городок – не округ – торговцев, богатых и древних родов среднего достатка, которые, однако, не были вхожи в Дануоллские аристократические круги и, пожалуй, только радовались своей независимости, торгуя и сколачивая состояния прямо здесь, за городскими стенами.

А затем пришла крысиная чума. Обрушилась на город и изменила все. Городок опустел, все жители покинули свои дома, улицы опустели. Корво даже не знал, что случилось с торговцами и их семьями. Скорее всего, они бежали из Дануолла, как только власть захватил лорд-регент, опасаясь его намерений по отношению к ближайшему – но отделенному стеной – соседнему городку.

И слава богу. На свете было множество других, более безопасных мест для спокойной жизни.

Торговцы бежали, но их мертвецы остались здесь. Кладбище, утопающее в зелени, место поминовения и смирения, бросили на произвол судьбы, пусть его покойные обитатели и не замечали, как постепенно ветшают их могилы.

Сейчас банда вскрывала уже шестую могилу. Дождь сменился мелкой моросью, которая почти не заглушала звуков, с которыми их лопаты и кирки врезались во влажную, каменистую почву.

Расхитители могил. От этой мысли Корво стало не по себе. Учитывая, как богаты были семьи торговцев, которые когда-то здесь жили, на этом кладбище, скорее всего было чем поживиться. В краже из могилы, в краже у покойника не было ничего святого, это был акт полного неуважения к семьям, к друзьям и любимым, которые слишком рано ушли из этого мира. Мириться с этим Корво не собирался.

Он приготовился. Казалось, задача не из сложных – и она стала еще легче, когда один из грабителей, видимо, заскучав от монотонного кладбищенского труда, побрел обратно к фургону. Он станет первым. Корво просто нужно было перенестись к фургону, за спину грабителю, и нанести удар. Дальше заросшее кладбище станет прекрасным прикрытием и позволит ему добраться до остальных, более не прибегая к своим силам.

Чтобы справиться с остатками банды, ему хватит нескольких секунд. Оставалось только надеяться, что никто не успеет даже вскрикнуть, чтобы не привлечь внимание Эмили, которая как раз бежала прочь по крышам.

Корво сконцентрировался и почувствовал знакомое покалывание в левой ладони, на тыльной стороне которой энергией Бездны поблескивала метка Чужого. Он сфокусировался на своей цели и уже хотел было одним прыжком перемахнуть невозможное расстояние между балконом и улицей, как вдруг...

Он пригнулся, и покалывание у него в руке сменилось обжигающей болью. Ему пришлось выпустить накопленную силу. Спрятавшись за колонной, он выплянул наружу.

Один из грабителей, утомившись, отошел к фургону, освещенному лунным светом, и повернулся в сторону Корво. Тот одернул себя как раз вовремя – если бы он перенесся, грабитель увидел бы его в тот же миг.

Но было кое-что еще, отчего сердце Корво забилось сильнее, а дыхание под маской стало слишком громким.

Грабитель был «*китобоем*».

Ошибки быть не могло. Высокие черные ботинки с застежками из грубой коричневой кожи, толстые черные перчатки, доходящие до локтей. Подогнанный по фигуре кожаный плащ с характерными короткими рукавами, широкая портупея с подсумками. У бедра – длинный нож, который в любую минуту можно выхватить затянутой в перчатку рукой.

На голове плотно прилегающий капюшон, тускло поблескивающий в лунном свете, а на лице маска – большие круглые очки, оправленные в толстую резину. Чуть ниже – респиратор с выступающим цилиндрическим фильтром, созданный для защиты дыхательных путей от ядовитых испарений китобойни.

Корво скользнул в тень, отчаянно желая раствориться в темноте. В голове крутилась лишь одна мысль.

«Китобои. «*Китобои*». Этот человек – «китобой», он «китобой», он «китобой».

Неужели они вернулись?

Корво задумался. После падения Хайрема Берроуза, лорда-регента, дела уличных банд шли с переменным успехом. Некоторые банды были побеждены заново организованной – и усиленной – городской стражей. Ходили слухи, что другие в полном составе поспешили покинуть город и обосноваться в отдаленных уголках империи, на островах и в городах, где им пока не могли перекрыть кислород. За прошедшие годы Корво слышал всякие пересуды о том, что некоторые дануоллские банды – или отдельные их члены – осели в далекой Карнаке, столице южного острова Серконос. В родном городе Корво.

Часть банд и вовсе исчезла, а их члены словно испарились в воздухе. К таким относились и «китобои», хотя обычной уличной бандой их было не назвать. Они были другими – они были *убийцами*. Профессиональными, прекрасно обученными убийцами. Они все обладали особым даром, которым с ними поделился их лидер, Дауд. Человек, который, как и Корво, носил на себе метку Чужого, дарующую каждому способность взывать к силе Бездны и пользоваться сверхспособностями.

Дауд. Убийца. Душегуб. Человек, который убил Джессамину и навсегда изменил судьбу империи. Навсегда изменил судьбу Корво. Джессамина была его возлюбленной, а Эмили – их дочерью. Дауд все разрушил, и Корво пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не убить его в тот же миг. Вместо этого Дауда изгнали из города под страхом смертной казни.

Пятнадцать лет назад.

Пятнадцать долгих лет Корво размышлял, *почему* он не дал себе волю, почему не убил Дауда, когда был такой шанс. Возможно, его действительно стоило убить. Преступление Дауда вполне оправдывало такую кару, но вполне вероятно, что Корво отчасти хотелось, чтобы Дауд

остался жив. И жил в страхе ужасного гнева лорда-защитника, который обрушится на него, лишь только их пути вновь пересекутся.

Ведь жить в страхе было, пожалуй, даже хуже, чем умереть.

Возможно.

После изгнания Дауда его группа раскололась. Один из его бывших подручных, Томас, взял бразды правления в свои руки, по крайней мере на время, пока сам не исчез. Скорее всего, он погиб. Никто не знал, что случилось с остальными членами банды, хотя Корво и отдал своей шпионской сети приказ их выследить.

И вот, по прошествии пятнадцати лет, он наблюдал за группой «китобоев», которые грабили кладбище. Корво снова взглянул на того, кто стоял у фургона. Несмотря на то что линзы его собственной маски позволяли ему видеть особенно ясно, было слишком темно, чтобы различить, какого цвета туника надета под плащом «китобоя». Корво показалось, что она серая, а значит, парень был новичком. Если все прочие в группе тоже новички, у него, пожалуй, были все шансы без проблем расправиться с ними.

Он посмотрел на остальных, что все еще работали при слабом желтом свете. Да, на них были капюшоны, но...

Корво нахмурился. На остальных грабителях не было респираторов. Вместо этого их лица скрывали платки, завязанные на затылке. Хотя все грабители были в капюшонах, их одежда не была похожа на *униформу*. А значит, они *не были* «китобоями».

Приподнявшись, чтобы лучше разглядеть противников, Корво с опаской посмотрел в сторону фургона. К его удивлению, «китобой» – *настоящий* «китобой» – пропал.

Корво снова пригнулся, стараясь держаться в тени, и осмотрел кладбище. Грабители продолжали копать, не замечая отсутствия своего вожака. Куда он исчез?

Фургон было прекрасно видно с балкона, но «китобоя» с ним рядом не было. Он не вернулся на кладбище, не прошел сквозь ворота. За кладбищенской оградой спрятаться было несложно, но пространство между воротами и фургоном лежало как на ладони и отлично освещалось луной.

Позади Корво раздался какой-то звук.

Бесконечно тихий.

Легкий *шелест*, трение металла о металл.

Звук, с которым выскакивает лезвие складного ножа.

Корво развернулся. Невероятно, но «китобой» стоял на балконе позади него, сжимая нож в одной руке, вытянув другую перед собой и растопырив пальцы. Догадавшись, что его заметили, убийца не стал терять времени и кинулся вперед, замахнулся ножом справа налево и обрушил его на свою жертву. Корво подпрыгнул и увернулся от ножа, который со свистом рассек воздух.

Затем он сделал шаг вперед, одновременно вытаскивая из-за ремня свой уникальный складной меч. Легким мановением руки Корво извлек клинок и поднял его, готовый отразить следующую атаку.

Но ее не последовало. Корво опустил меч и посмотрел прямо перед собой, туда, где уже никого не было.

«Китобой» пропал. Снова.

Быстро развернувшись, Корво инстинктивно взмахнул мечом. Стоящий позади убийца с легкостью уклонился от удара и, держа нож параллельно предплечью, кинулся на противника.

В жилах Корво пульсировал адреналин. Отступив на полшага, он посмотрел вперед, за спину «китобоя». Там, на другой стороне площади, стояло высокое здание с большими темными окнами и тяжелыми каменными карнизами.

Корво закрыл глаза, почувствовал не существующий в его мире ветер и открыл глаза снова.

У него получилось. Почти. Он висел на карнизе, цепляясь пальцами и неловко прижимая к стене свой складной меч. Подтянувшись, он вскарабкался на узкий карниз, встал и обернулся, оценивая свое местоположение и прикидывая дальнейшие варианты.

Краем глаза он заметил, что убийца исчез в водовороте теней, подсвеченных луной. Корво посмотрел вниз и перенесся ниже, левее, на балкон здания на другой стороне площади. Затем перенесся еще раз.

И еще...

И еще, теперь уже на крышу, прямо на широкую медную водосточную трубу, которая прогнулась под его весом.

Затем снова вниз, на улицу, за фургон, где его не могли заметить остальные грабители, а потом опять вверх, на балкон с колоннами, свою исходную точку.

Он сделал кувырок и скрылся в тени, затем повернулся и прижался к холодному камню арки, ведущей в пустой дом. Он сделал боком пару шагов и, скользнув внутрь, оказался в полной темноте, окутавшей его, как черная жидкость. Грудь сдавило от напряжения. Множество переносов за такое короткое время вымотало его, метка Чужого на руке начала пульсировать.

Корво не захватил с собой аддермирской микстуры, волшебного голубого эликсира, который, по словам его создательницы, доктора Александрии Гипатии из Аддермирского института в Карнаке, восстанавливал и тело, и дух. Аддермирская микстура сочетала в себе восстанавливающие свойства старого эликсира здоровья, разработанного Соколовым, и «Духовного лекарства» Пьеро, являясь, по сути, их усовершенствованной версией. Это означало, что теперь не нужно было носить с собой гору склянок, но, если честно, Корво и не думал, что ему еще хоть раз доведется прибегнуть к помощи этого препарата.

Возможно, пора было пересмотреть свой взгляд на вещи.

Не отходя от арки, он осматривался, чувствуя, как постепенно восстанавливаются его силы. Ему нужна была передышка.

Удача пока что улыбалась ему. Противника нигде не было видно – никакого движения, никаких теней на крышах, на карнизах, в дверях.

Он его потерял.

Корво снова вышел на балкон и пригнулся, напрягая слух. С кладбища доносились голоса. Выглянув из-за колонны, Корво с облегчением вздохнул.

«Китобой» стоял в центре кладбища, указывая на что-то одной рукой, в другой по-прежнему сжимая нож, поблескивающий в свете луны. Грабители засуетились, быстро достали из земли последний гроб, торопливо оттащили его к фургону и аккуратно поставили рядом с другими. «Китобой» тем временем оставался в центре кладбища и озирался по сторонам, держа нож наготове. Когда он повернулся в сторону Корво, тот пригнулся ниже, но ничего не указывало на то, что противник его заметил.

Один из грабителей окликнул своего вожака. Слов Корво не разобрал, но смысл фразы понял. Подтверждая его подозрения, «китобой» подбежал к фургону и, наконец-то убрав нож, вскочил в повозку. Его подельник сел на козлы и взял поводья. Он щелкнул ими, фургон дернулся и тронулся с места, лошадь протестующе фыркнула, но тут же помчалась прочь от места преступления. Колеса загромыхали о мостовую.

Корво смотрел вслед грабителям. Он должен был последовать за ними. Он *хотел* последовать за ними, но не мог. Не сегодня. Он вымотался, совершая перенос за переносом. Даже если он вернулся бы за аддермирской микстурой в Дануоллскую башню, до рассвета оставалось слишком мало времени, чтобы снова выходить на улицу.

Да и куда ему было идти?

Он раздраженно вздохнул. В голове роились тысячи мыслей.

«Китобои» вернулись, они снова в деле, они что-то замышляют – иначе зачем им грабить могилы и увозить бог знает куда выкопанные гробы?» И, главное, если «китобои» вернулись, то вернулся, видимо, и их лидер – человек, которого Корво считал пропавшим навсегда.

Тот «китобой» перенесся над кладбищем, чтобы напасть на него. Такую силу можно было получить только одним путем. Поделиться ею с бандой был способен лишь один человек.

Дауд.

Он вернулся и собирал силы.

Но убийца, что руководил операцией на кладбище и напал на него, не был Даудом. В этом Корво не сомневался. Убийца был меньше ростом, стройнее. Язык тела, его движения – отличались от тех, что помнил Корво.

И все же прошло много времени. Пятнадцать лет. Память часто играет с людьми злые шутки.

Корво поднялся на ноги. Фургон скрылся из виду. Стук колес и топот копыт становились все тише. На востоке, в просвете между низкими дождевыми облаками небо уже окрасилось оранжевым и красным. Приближался рассвет, а вместе с ним и придворная служба. Корво надеялся, что Эмили вернулась в Дануоллскую башню, а не осталась где-то поблизости и не наблюдала за ним из укрытия.

Направляясь домой, Корво обдумывал свой план. Утром он собирался отправить своих шпионов на поиски. Он решил найти Дауда и выяснить, зачем он вернулся в Дануолл.

4

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КИТОБОЙНЯ ГРИВЗА № 5, КИТОБОЙНЫЙ РЯД, ДАНУОЛЛ

8-й день, месяц тьмы, 1851 год

«Такой выгодный поворот событий привел к тому, что количество боен увеличилось вчетверо, а вместе с этим пропорционально возрос и спрос на китов. Многие округа, примыкающие к району, известному под названием Китобойный Ряд, стали меняться: целые семьи покидали свои дома, спасаясь от промышленных дымов и отходов производства, выбрасываемых заводами по переработке китовых туш. Уровень ночной преступности также начал повышаться, из-за чего городской страже пришлось удвоить силы, направленные на борьбу с дануоллскими бандами».

– *КИТОБОЙНЫЙ РЯД*

Выдержка из книги о городских округах Дануолла

Как только фургон свернул с улицы и въехал в зону разгрузки, Галия спрыгнула на землю, скинула капюшон и, взявшись за респиратор, стянула с лица маску «китобоев». В этой чертовой штуке было жарче, чем она припоминала, но дышать через угольный фильтр и чувствовать, как резина стягивает кожу на лице, было все равно что обратиться к давно похороненным в памяти воспоминаниям, все равно что вдруг вспомнить забытую песню из детства и пропеть ее слово в слово, словно пел ее только вчера.

Галия улыбнулась. Ей очень нравилось, что эти воспоминания – эти *чувства* – снова вернулись к ней. Она снова была «китобоем». Более того, теперь она была *вожаком*.

Погрузочные ворота с грохотом закрылись, Галия обошла фургон и оказалась в просторном цеху старой китобойни. Она решила было цыкнуть на своих подручных, которые слишком громко шумели, но сейчас на это не было времени. Держа в одной руке маску, а другой поправляя влажные, сальные волосы, она прошла мимо здоровенных бочек из-под масла, выстроенных длинными рядами, и ступила на железную лестницу, которая вела к нескольким платформам и галереям, выходящим прямо в главный рабочий цех.

С задачей они справились, но возникла проблема – и об этой проблеме следовало сообщить боссу.

– Привет-привет, Галия, дорогая моя! Ты как раз вовремя. Привезла подарки?

Остановившись, Галия подняла глаза и увидела Ринальдо, который, широко улыбаясь, спускался по лестнице ей навстречу. Его желтоватые зубы сверкали на фоне темной кожи. Галия нахмурилась. Она была не настроена болтать. Взглянув на своего старого друга, кудрявые жесткие волосы которого были подстрижены так криво, что торчали во все стороны неровными кустиками, Галия ничего не ответила и просто пошла дальше, слегка толкнув его плечом по пути.

Ринальдо посмотрел ей вслед и всплеснул руками.

– Эй, мы достали, что хотели, или нет? – Его улыбка чуть померкла, а затем и пропала вовсе. Галия упрямо шла вперед.

Она остановилась в том месте, где лестница поворачивала на девяносто градусов, чтобы подняться на следующий уровень, перегнулась через перила и пальцем показала на фургон, рядом с которым ее подручные ожидали приказаний.

– Вели им разгружать фургон, – сказала она, после чего быстро подняла глаза, указывая на аппаратную. – Он еще там?

Ринальдо опустил руки и рассмеялся, но глаза его остались серьезны.

– Ты о нашем Боссе? Он и пальцем не пошевелил, с тех пор как ты ушла. Все смотрел в окно. Говорю тебе, меня там не было, но я, черт возьми, все это время чувствовал на себе его взгляд.

– Отлично, – кивнула Галия, после чего повернулась и шагнула на следующий пролет. – Мне нужно с ним поговорить. Проследи, чтобы никто нас не побеспокоил. Ясно?

– Эй-эй, дорогуша, – сказал Ринальдо, – поверь мне, *никто*, даже твой покорный слуга, не горит желанием приближаться к этому парню. Он вообще *человек* под всей этой одеждой?

В голосе Ринальдо, тщательно скрываемое шутками и бравурным тоном, слышалось кое-что еще. Какая-то слабость, какое-то сомнение. В его последнем вопросе была лишь доля шутки.

Галия облизнула губы и сказала:

– Просто разгрузите фургон.

С этими словами она стала подниматься выше, перепрыгивая через две ступеньки. Оказавшись у двери аппаратной, она услышала, как Ринальдо спустился, хлопнул в ладоши и громко, так, что по пустынным цехам китобойни пронеслось глухое эхо, объявил:

– Так, вы ее слышали. Разгружайте фургон!

Галия взялась за дверную ручку и немного помедлила, чувствуя, как медь холодит пальцы. Затем она покачала головой, открыла дверь и вошла внутрь.

Она положила маску на одну из ржавых и грязных консолей, которые тянулись вдоль стен аппаратной, и принялась стягивать перчатки. Как и сказал Ринальдо, Босс – с большой буквы Б – до сих пор стоял на том же месте, где она оставила его несколько часов назад, покидая эту бойню. Он стоял спиной к двери, на дальнем конце комнаты, и сквозь зеркальные стекла смотрел на цех вниз.

Казалось, «китобоям» – новым «китобоям» – сам бог велел превратить заброшенную китобойню в базу. Галии это нравилось. В городе было полно таких фабрик, большая часть которых находилась здесь, в Китобойном Ряду. Несмотря на название, это была не улица, а небольшой район на излучине реки Ренхевен, где зловоние от очистки ворвани не беспокоило жителей города. Некоторые бойни и жироварни все еще работали, но, как и существенная часть городской промышленности, многие были законсервированы и обречены на многолетний простой в ожидании новых владельцев и новой работы, способной их оживить.

Эта бойня была вспомогательной. Изначально планировалось, что она будет обрабатывать сырье, с которым не справлялись другие фабрики огромного предприятия «Осветительное масло Гривза». Расположенная на восточном конце Китобойного Ряда, она была отделена от остальных фабрик парой улиц, занятых складскими помещениями, и закрыта через несколько лет после реставрации империи, когда предприятие сосредоточило свое производство на новых, более современных заводах, находящихся ближе к бухте на западном конце Ряда.

В результате вспомогательная бойня стояла нетронутой и постепенно приходила в упадок без должного ухода. Крыша протекала, и в это время года на полу цеха скапливалось по щиколотку воды. Галия подошла к Боссу и взглянула на этот пол сквозь панорамные окна. Вода была спокойна, как зеркало.

Проникнуть на китобойню было несложно. У Галии и Ринальдо было множество связей, так что проблемы с поиском достаточно просторного помещения, которое соответствовало бы всем требованиям Босса, у них не возникло. Окруженная высокими складами – тоже закрытыми, заброшенными, покинутыми, – китобойня фактически предоставила в распоряжение преобразованной банде «китобоев» добрую половину квадратной мили города. Шансов, что их здесь обнаружат, практически не было, а места для работы было предостаточно.

Какой бы ни была эта работа. Босс еще не объяснил им это. Он раздавал задания по одному, по мере их появления. Галия пока была готова ему подчиняться, а Ринальдо с радостью исполнял ее приказы и передавал их остальным.

Новых «китобоев» было всего восемь, причем из старой банды остались лишь Галия и Ринальдо – только они знали Дауда лично. Остальных они завербовали в доках и в окрестных тавернах – «Счастливишке Джиме» и «Семи колоколах». Кое-кто утверждал, что в былые времена тоже состоял в уличных бандах, но Галия подозревала, что среди ночи в портовых кабаках можно и не такого наслушаться. Однако Босс спонсировал все их дела, так что верность новых «китобоев» покупалась за деньги.

Но в представлении Галии идея верности была... несколько *сложнее*. Босс отдавал приказы, и Галия исполняла их, но ей платили не деньгами. Ей платили кое-чем другим. Кое-чем гораздо более ценным.

Кое-чем, чего она жаждала целых пятнадцать лет...

Теперь пришла пора получить ответы на свои вопросы. Чем бы Босс не занимался, ему пора было довериться ей и рассказать о своих планах. Она ведь как-никак была лидером «китобоев». Босс поручал ей одно задание за другим. И он действительно платил ей тем, чего она желала больше всего на свете, но после неожиданной встречи на кладбище все стало немного сложнее.

Нужно было рассказать ему о том, что случилось, узнать, в чем состоит план и какова их конечная цель. Поэтому Галия подошла к Боссу и встала чуть позади него, широко расставив ноги, сложив руки на груди и склонив голову.

На нем была все та же тяжелая шинель военного образца, полы которой были покрыты засохшей грязью, шляпа с широкими полями, толстый шарф и снежные очки. В аппаратной было жарко и душно: испаряясь, дождевая вода превращала здание в настоящий парник и покрывала стены аппаратной каплями конденсата. Жидкость стекала по грязным стенам красно-коричневыми ручейками. Должно быть, Босс уже сварился в своем диковинном наряде.

– Слушай, Босс, – сказала Галия, – у нас проблемы.

Она подождала ответа, но его так и не последовало. Он не двигался, казалось, даже не дышал. Ринальдо был прав: создавалось впечатление, что под его тяжелой одеждой вообще ничего не было. Неудивительно, что остальные не хотели к нему приближаться. Босс был похож на чудовище из детской сказки.

Бойся чудищ под кроватью.

Галия вздохнула и подошла к одной из консолей. В задумчивости она провела пальцами по кнопкам и переключателям, смахнула с них пыль, нажала парочку, потянула за рычаг. Само собой, ничего не произошло. Консоль – как и вся остальная бойня – не работала. Сбоку от консоли была розетка, к которой обычно подключался бак с ворванью, дающий энергию. Сейчас розетка пустовала, дверца шкафчика болталась на одной петле, а магнитная сцепка, которая должна была удерживать бак на месте, и вовсе пропала. Бойня давно простаивала. Галия подозревала, что вполне вероятно, они не первые, кто вломился в эти цеха после закрытия фабрики. Возможно, под консолями не осталось даже проводов, ценный металл которых давным-давно очистили от обмотки и продали на черном рынке.

Собравшись с силами, Галия прошла вдоль консоли и снова повернулась к Боссу. Встала рядом и с секунду просто смотрела на него, не сводя глаз с его красных очков. Он по-прежнему не издавал ни звука и не шевелился. Даже его грудь не поднималась и не опускалась.

– Я сказала, что у нас проблемы...

Тут Босс наклонил голову набок – движение было едва уловимо, но Галия все равно вздрогнула. И тотчас мысленно обругала себя за то, что ее так легко напугать. Она подошла еще ближе и уперла в бока сжатые в кулаки руки.

– *Слушай!* Нас заметили...

– Вы достали то, что я хотел? – спросил Босс.

Он говорил медленно, как будто специально подбирая слова, словно беседуя с человеком из далеких краев, плохо владеющим его языком.

Галия ответила не сразу.

– Да, – помедлив, сказала она. – Шесть штук. Парни как раз выгружают их из фургона.

Босс повернулся к ней лицом. Она подняла одну бровь и уставилась на собственное отражение в его огромных красных очках.

– Я просил семь.

– Да, но мы достали шесть. – Галия сделала еще один шаг вперед. – Может, *выслушаешь* меня наконец? Нас *заметили*.

Босс наклонил голову на другой бок.

– Заметили?

– Да, спасибо, нас *заметили*. Я его прогнала.

– Тогда и говорить не о чем.

– Нет, – возразила Галия, – это важно. Слушай, он был, не знаю... Помеченный Бездной. Он использовал перенос, прямо как я. Когда-то меня наделил этой силой Дауд, а ты одарил меня ею теперь. Откуда она у этого человека? Как это *возможно*? Кто еще знает наши секреты?

– Это неважно, – ответил Босс. – Он один, а один в поле не воин.

– Это не ответ. И откуда ты знаешь, что он один? Может, их гораздо больше?

Босс повернулся к Галии, и она инстинктивно попятилась.

– Скажи мне, Галия Флит, ты счастлива? Ты довольна?

– Я... что? Счастлива? Что это за вопрос?

– Вопрос простой, – сказал Босс. – Я обещал тебе силу. Я дал тебе насладиться тем, чего ты желала больше всего на свете. Силы, которыми ты когда-то обладала, которые подарил тебе Дауд. Теперь они снова с тобой.

– Да, но...

– Ты часто говоришь об этом Дауде. Он был хорошим человеком, да?

Галия почувствовала, как краска заливает ее щеки.

– Да. Он был великим лидером. – Она сделала паузу. – Хотя... в последние дни нашего знакомства его явно что-то заботило.

– А остальные?

Галия покачала головой. За последние несколько дней она привыкла к тому, что Босс частенько отклоняется от темы, но здесь? Сейчас? Момент был неподходящий. Она подозревала, что у них проблемы, но Босса это как будто не волновало.

– Что с ними? – спросила она.

– Когда-то вы были сильны. «Китобои». – Босс едва ли не прошипел название банды. – Дауд во главе, а рядом с ним – Билли Лурк, Томас, Ринальдо и... ты. Галия Флит, новичок, верная последовательница. *Ученица*.

Галия прерывисто вздохнула. Откуда Босс все это *знал*? Да, она действительно была новичком среди «китобоев». Ну и что? Она единственная попыталась сохранить банду, когда все они пропали или погибли – Дауд, Билли, Томас. Все. Теперь остались только они с Ринальдо. Когда она сказала об этом Боссу, ее голос был громче и резче, чем ей бы хотелось.

Последовала секундная пауза, после чего Босс рассмеялся. Его смех был сухим и скорее напоминал кашель. Галия снова задумалась, что скрывается за этой шинелью и очками. Босс был крупным мужчиной.

И казалось... что он болен.

– А теперь ученица стала лидером, – сказал он, перестав смеяться. – Не забывай об этом, Галия. Не забывай, что я для тебя сделал. Не забывай, что я тебе пообещал.

Он отвернулся и снова посмотрел в зеркальные окна. Галия подошла к нему и взглянула на пол цеха. Фургон разгрузили и отогнали в сторону, его зловещий груз сложили в ряд между огромных бочек из-под ворвани.

– Я... прошу прощения, – вдруг сказала Галия, едва понимая, что она говорит. Ей стало жарко, голова закружилась. – Мы сумели достать только шесть. Нам помешали, прежде чем мы успели выкопать седьмой.

Она искоса взглянула на Босса.

Он кратко кивнул.

– Шести достаточно. Ты молодец, Галия.

Похвала. Совсем незначительная, очень сдержанная, но Галии было достаточно и этого. Она почувствовала, как сердце глухо стукнуло в груди, а в голове прояснилось.

Она молодец. Она его порадовала.

А это значило... что ей заплатят. Снова дадут воспользоваться силой.

Похоже, Босс почувствовал ее предвкушение и кивнул снова.

– Скоро, – сказал он.

Галия тоже кивнула и повернулась к окну. Желудок урчал от голода, ее мутило, но она принялась внимательно разглядывать бойню, не обращая внимания на мучительную жажду силы. Остальные уже разошлись.

– Судя по карте, которую ты нам дал, это кладбище находится в центре старого города за городской стеной – небольшого анклава, некогда населенного торговцами и банкирами. – Она кивнула на гробы, лежащие на мокром полу далеко внизу. – Могилы принадлежали богатым семьям. Их точно хватятся. У нас не было времени убрать за собой. Кто-нибудь обнаружит свежие ямы, и на нас обрушится вся городская стража.

– Это неважно.

Галия покачала головой.

– Ты все повторяешь это, но дело ведь не только в городской страже. – Она повернулась к нему лицом, чувствуя, что ей с каждой минутой становится все жарче. – Говорю тебе, нас кто-то заметил – и этот кто-то владеет переносом, как и я.

И тут... Босс снова рассмеялся, но на этот раз затряслись даже его плечи. Галия недоуменно посмотрела на него. Что в этом было смешного? Они многим рисковали, чтобы привезти ему шесть гробов – не говоря уж о том, что им пришлось несколько часов работать в темноте, под дождем!

Довольно!

– Что мы делаем? *Зачем* все это? – спросила Галия. – Ты хочешь, чтобы мы тебе помогли... Нет, тебе *нужна* наша помощь! Но зачем? Грабить могилы? И только?

Босс опять повернулся к Галии, и на этот раз сам отступил назад. Галия – надо отдать ей должное – не двинулась с места, как будто приросла к полу. Ее рука зависла над рукоятью пристегнутого к ремню ножа.

– Я спрошу тебя еще раз, Галия Флит, – сказал Босс. – Ты не счастлива? Ты не довольна? – Он развел руками. – Я дал тебе все, что ты хотела, разве нет? Я наделил тебя силой, которую ты жаждала так долго, силой менять геометрию мира, *переноситься* из одного места в другое. Ты ведь этого хотела, этого желала, этого *жаждала*. С тех самых пор, как твой прежний господин, этот Дауд, бросил тебя.

Галия поджала губы, но руку, которую держала над ножом, опустила.

– Я помог тебе, – продолжал Босс. – Это только начало, Галия, только начало. С моей помощью ты сможешь возродить «китобоев» – смотри, ты ведь уже начала. С моей помощью город снова станет вас бояться. Это *ты* теперь во главе. Маленькими шагами ты приближаешься к великому.

Губы Галии приоткрылись, она задышала часто и неглубоко, представляя себе все, о чем говорил Босс. Да, шаги были маленькими... Но это было только начало. «Китобои» вернулись.

И она стояла во главе.

Она потерялась в его красных глазах, мир закружился, она полетела в пропасть...

Босс коснулся щеки Галии затянутой в перчатку рукой. Она почувствовала разряд, словно ее ударило статическим электричеством, а моргнув, заметила танцевавший перед ней синеватый свет. Разум прояснился.

Она почувствовала в себе *силу*.

– Тебя ждет большее, Галия, – сказал Босс. – Гораздо большее.

Он отвернулся, а она так и осталась стоять на цыпочках, не в силах сделать вдох. Босс снова подошел к зеркальному стеклу и посмотрел на цех.

– Ты способна, Галия, – произнес он. – Безумно способна. И твои способности с годами становились лишь сильнее. С моей помощью мы заставим их работать.

Галия кивнула, сама того не понимая.

– Ты *спала*, Галия Флит. Прошли годы. Целые годы были потеряны в «Золотой кошке». – Босс поднял руки, словно в подтверждение своих слов. – Разве это не лучше, чем служба в охране борделя? Поверь мне, Галия, ты рождена для великих вещей – и я могу помочь тебе исполнить свое предназначение.

Галия покачнулась на пятках. Да. Он был прав. Она спала. Нет, гораздо хуже. Она была *мертва*. Пятнадцать лет – прошло *пятнадцать лет* с исчезновения Дауда, и за эти годы она не сделала ровным счетом ничего. Она лишь постепенно разлагалась в «Золотой кошке», вливая в себя виски «Старый Дануолл» или ром «Орбум», когда приходила поставка из Карнаки, и притворяясь, что день, когда Дауд просто войдет в ее двери, настанет...

Так что да, он мог ей помочь. Он мог дать ей то, чего она хотела...

Нет. То, чего она *заслуживала*.

Силу. Она хотела ее и намеревалась ее получить.

Сейчас же.

У Галии слегка кружилась голова, ей было жарко, очень жарко в этой душной и влажной заводской аппаратной. А Босс как ни в чем не бывало стоял рядом во всей этой тяжелой зимней одежде, более подходящей для снегов Тивии, чем для Дануоллской сырости.

Да. Да. Босс был глупцом. Глупцом, который говорил загадками и полагал, что может приказывать Галии.

Что ж, *довольно*. Раз он не желает говорить, пусть хотя бы даст ей все обещанные силы.

А если он не согласится, здесь тотчас прольется его кровь.

Галия сжала рукоятку длинного ножа – ножа, который она уж и не помнила, когда в последний раз вынимала из ножен. Клинок был легким, отлично сбалансированным – идеальным орудием убийцы. И она была такой же. Стала старше, конечно, но в сути своей не изменилась, осталась такой же надежной, как ее нож, и все так же была готова выполнять работу, для которой была предназначена.

Приподнявшись на носочки, она опустила голову, готовая к прыжку. Босс по-прежнему стоял, повернувшись к ней своей широкой спиной, а его боковое зрение ограничивали поля его огромной шляпы.

«Посмотрим, какими загадками он заговорит, когда я приставлю нож к его горлу», – подумала Галия. Ему придется уступить. Она его *заставит*.

На краткий миг между двумя ударами сердца Галия заметила свое отражение в окне аппаратной – она бесшумно двигалась вперед, готовая поставить на колени этого безумца. Босс тоже отражался в стекле, но... что-то было не так.

Все случилось мгновенно. Не успела Галия и глазом моргнуть, как весь мир пошатнулся. Его отражение в окне вдруг оказалось *позади* нее. Она развернулась, уже не надеясь застать

его врасплах, и взмахнула клинком. Движение получилось неуклюжим, но обычно хватало и такого – оно было порождением инстинкта, долгих лет упорной работы в качестве «китобоя» Дауда, когда Галией двигала лишь мечта однажды превратиться из новичка в настоящего мастера, стать ближе к нему, получить больше его сил.

И снова Галия качнулась вперед, ожидая, что нож войдет в шею противника, но клинок лишь рассек воздух.

Она развернулась. Босс стоял в ярде от нее с другой стороны.

Раздраженно зарывчав, Галия снова взмахнула ножом.

И снова осталась ни с чем.

Когда она подняла глаза, оказалось, что Босс стоит *позади* нее, на другом конце аппаратной.

Ну конечно же! Перенос! В эту игру могли играть и двое.

Галия сконцентрировалась, выбрала новую позицию, практически мгновенно перенеслась на короткое расстояние и оказалась в трех ярдах позади того места, где только что стояла. Ей хотелось застать Босса врасплах.

Но он уже исчез.

Снаружи, за окнами раздался грохот. Галия повернулась и увидела противника на сетчатой железной платформе, огибающей аппаратную. Она сконцентрировалась, перенеслась туда, где стоял Босс, но и там оказалась одна. Она посмотрела по сторонам, затем вниз. *Вот*. Внизу. Он был уже на полу бойни и направлялся к привезенным с кладбища гробам.

Не выпуская нож, Галия перепрыгнула через железный поручень. Падая, она перенеслась и оказалась на корточках на полу цеха.

Одна. *Снова*.

Поднявшись на ноги, она пошла вперед, озираясь по сторонам. Цех был огромен. На полу не было ничего, кроме бочек из-под ворвани и шести гробов. Остальные члены банды вернулись в импровизированный штаб в задней части здания. Перед Галией были высокие, достигающие почти до потолка и занимающие чуть ли не весь торец бойни двери, сквозь которые в этот цех когда-то доставляли ценный груз с китобойных судов, заходящих в речную гавань. Кита втаскивали внутрь с помощью огромных, прикрепленных к потолку кранов, пока он не оказывался над огромными резервуарами.

Галия развернулась. Об осторожности можно было забыть. Она топнула ногой по луже, и в воздух взлетели мелкие брызги.

Когда все капли снова упали на пол, Босс появился из ниоткуда и выступил вперед. Он был близко, слишком близко – и Галия это понимала. Он ударил ее кулаком в живот. Она согнулась пополам и чуть не упала, но в этот момент снова перенеслась и оказалась за спиной у Босса. Запыхавшись, она собрала все силы, чтобы нанести удар...

Только вот бить было некого. Вместо этого Галия почувствовала, как тяжелый ботинок толкнул ее в бедро, и полетела в сторону. Она упала в воду, и ее обожгло холодом. Быстро вскочив на ноги, она взмахнула ножом, но достать до Босса не смогла. Она сделала выпад, встала на одно колено и выбросила вперед левый кулак. На этот раз ей удалось поразить противника, но он и бровью не повел. Он наклонился и ударил ее по руке.

Раздался треск, руку Галии пронзило болью. Она быстро перенеслась на другой конец бойни, как можно дальше от Босса, и упала на пол. Перекатилась на бок. Боль в руке и в бедре была почти невыносима.

Раздался плеск. Галия подняла глаза.

Босс стоял рядом.

Она попыталась встать, но медленно, очень медленно. Помимо боли, она чувствовала... слабость. Руки, ноги, все тело как будто налились свинцом, а голову словно набили ватой и китовым жиром. Босс стоял прямо перед ней и смотрел сквозь красные стекла очков.

Кашлянув, Галия все же поднялась. Ее правое бедро пронзило такой болью, что она снова упала на мокрый пол, сильно ударившись коленями о бетон. Она снова кашлянула и села на корточки, а затем и вовсе на задницу, прямо в воду. Левую руку она прижала к груди. Бедро пульсировало. Голова кружилась.

– Хватит, – сказала она, хотя сквозь звон в ушах ей с трудом удалось расслышать собственные слова. – *Хватит*. Я сдаюсь.

Босс рассмеялся – а может, Галии это просто показалось. Голова кружилась, она чувствовала себя усталой, очень и очень усталой. Складывалось впечатление, что, чем больше она использовала свою силу – силу, которую ей даровал Босс, – тем слабее она становилась. Из-под контроля выходили не только сверхспособности, но и все *тело*. Ее силы таяли прямо на глазах.

Ее взгляд упал на воду, в которой она сидела. Она увидела свое слегка искаженное отражение и отражение возвышавшегося над ней Босса.

Конечно. Отражения – сначала в аппаратной, затем на полу. Точно так же было и в «Золотой кошке». Босс тоже мог использовать перенос, но его сила была другой. Он переносился через отражения – в зеркалах, в стеклах, даже в стоячей воде.

И, похоже, это не истощало его способности.

Галия отвела глаза от его отражения. Ей казалось, что красные очки прожигают ее насквозь. В голове стучало. Чуть приподняв голову, она посмотрела на выстроенные в ряд гробы, стоящие совсем недалеко от того места, где она упала. Их отчистили от земли, но они все равно были грязными, многолетняя пыль въелась в каждую трещину. Никто не удосужился записать, кому принадлежали могилы и сколько времени останки покоились в них с миром. Босс не отдал такого приказа.

Ему нужны были лишь тела.

Семь штук.

Но получил он только шесть.

– Зачем они тебе? – тихо спросила Галия, кивнув в сторону гробов.

Услышав ее вопрос, Босс подошел к ним, громко шлепая по лужам. Остановившись возле ближайшего, он наклонился, провел затянутой в перчатку рукой по деревянной крышке, сначала смахнув грязь, а затем очертив все контуры кончиками пальцев. Он наклонился еще ниже, и его закрытое очками и шарфом лицо оказалось всего в нескольких сантиметрах от гроба. От мумифицированного трупа его отделяли лишь деревянные доски. Галии показалось, что он принюхался, но потом она решила, что это лишь причуды ее воображения, и списала все на шум в ушах.

– Они необходимы мне, – сказал Босс и выпрямился. – Они необходимы нам, моя дорогая Галия. *Нам*.

Она вздохнула и поднялась с пола. Нога пульсировала в том месте, куда пришелся его пинок, но не была сломана. Не сломана была и рука, хотя Галия и понимала, что болеть она будет еще долго. Более того, она не сможет драться так, как раньше. Ей понадобится время, чтобы восстановиться и залечить раны.

– Но что мы *делаем*? – спросила она, едва ли не срываясь на крик. – *Кто ты?*

Босс рассмеялся и поднял правую руку. На глазах у Галии левой он стянул с нее перчатку. Под перчаткой его рука была обмотана грязными черными бинтами.

Босс бросил перчатку на мокрый пол и принялся разматывать бинты, обнажая кисть и предплечье, пока у него в руке не осталась длинная полоска полуистлевшей ткани, пропитанной кровью или какой-то мазью – сказать наверняка Галия не могла. Она ахнула, поняв, что почерневший, обугленный бинт полностью сошел с руки Босса и теперь она видела перед собой не повязку, а его кожу – такую же почерневшую и обугленную, – с которой облетали частички пепла, кружившиеся в воздухе и падавшие в воду, как крошечные сухие лепестки.

Она была права. Он был болен или ранен – или и болен, и ранен. Босс сжал кулак, и с его руки облетело еще несколько частичек пепла. Затем он повернул руку и показал Галии покрытую коркой тыльную сторону ладони.

Глаза Галии округлились. Кожа была совсем черной, но на ней проступало и еще кое-что. Подобно следу чернил, остающемуся на сгоревшей в огне бумаге, тонкой вязью черным по черному на руке был начертан символ, какая-то эмблема.

Метка. Два полукруга, разрезанные лучом, вырывающимся из маленького круга в центре символа. Эта метка была знакома Галии. Такая была у Дауда, и такую же она видела на странных святилищах, которые были разбросаны по всему городу.

Метка Чужого.

– Меня зовут Жуков, – сказал Босс. – Я – герой Тивии. Я пришел сюда, чтобы спасти мир.

5

ДАНУОЛЛСКАЯ БАШНЯ

8-й день, месяц тьмы, 1851 год

«В столичном городе Дануолле каждый император имеет право назначить лорда-защитника. Это не просто надежный телохранитель. Он пользуется несравнимо большим уважением, чем проходящие суровый отбор стражники Дануоллской башни и дегустаторы пищи. Лорд-защитник является членом императорского двора, обладает огромной свободой и ни на шаг не отходит от верховного правителя известного нам мира».

– **ЛОРД-ЗАЩИТНИК**

Выдержка из исторических записей о правительственных должностях и рангах

Корво вошел в тронный зал и обнаружил, что остальные уже ожидают его. Все как один повернулись в его сторону. Эмили сидела на троне, положив ногу на ногу, подперев подбородок ладонью, а пальцами свободной руки постукивая по тусклому серебряному подлокотнику.

Встав рядом с придворными, Корво учтиво поклонился императрице и услышал, как у него за спиной захлопнулись парадные двери зала. Оглянувшись, он заметил, что вышли даже дворцовые стражники, которые должны были нести непрерывную вахту по эту сторону двери. Должно быть, их отослала сама императрица.

В зале осталось всего четыре человека. Корво обвел остальных взглядом, и они по очереди поклонились ему в ответ.

Ближе всех к возвышению стоял верховный смотритель Юл Хулан, высокий и крепкий мужчина с бритой головой, неотразимый в своем длинном, красного бархата плаще с высоким воротником. Корво не слишком много времени проводил с Хуланом, но он казался ему хорошим, даже добрым человеком, горячо преданным императрице, но в то же время блющим независимость своей позиции. После падения лорда-регента Хулан быстро вступил в альянс с восстановленной на троне юной императрицей. Они с Корво почти десять лет помогали правительнице с государственными делами, пока Эмили не достигла того возраста, когда они оба решили, что теперь она может справляться сама.

Если бы только верховный смотритель знал, какой сильной девушкой – и каким умелым бойцом – на самом деле была императрица!

Рядом с Хуланом стоял Джеймсон Карноу, молодой сын бывшего капитана городской стражи Джеффа Карноу, который теперь счастливо жил в отставке вместе со своей женой, за что нужно было сказать спасибо самому Корво и племяннице Джеффа Карноу – кузине Джеймсона – Каллисте, бывшей няне Эмили.

Джеймсон был одет в элегантный коричневый сюртук со вставкой из черной парчи спереди и воротником-стойкой, как того требовала нынешняя мода аристократов. Длинная челка падала ему на брови, и, сдержанно кивнув Корво, он смахнул волосы с лица и искоса взглянул на Эмили – так, чтобы не заметили ни верховный смотритель, ни сама императрица. Насколько им было известно, Джеймсон входил в ближний круг правительницы, был всего на год-два старше ее самой, а доверительные отношения Каллисты и Эмили позволили ему стать надежным советником.

Но они не знали, что Джеймсон Карноу напрямую подчинялся Корво. Ведь Корво был не только лордом-защитником, он был еще и главой Королевской тайной канцелярии, впервые в истории совмещая оба поста.

И Джеймсон Карноу был его главным агентом.

Эмили поднялась с трона и ступила на длинный красный ковер, элегантная в своем прилегающем черном брючном костюме. Кружевной воротник белой блузки был высоко поднят и закрывал ей шею. Кивнув ей, Корво улыбнулся и сложил руки за спиной. Она улыбнулась в ответ, не разжимая губ.

Он прекрасно понял смысл этой улыбки. Получив рано утром – вскоре после своего возвращения в башню – вызов на эту встречу, он сразу же догадался, о чем Эмили собирается говорить.

– Полагаю, императрица, мне известно, что вас тревожит, – сказал он, слегка поклонившись. – Утром капитан городской стражи сообщил мне о неприятной находке. – Он даже не лгал: вернувшись, он направил одного из своих агентов с донесением для патрульного городской стражи, который, в свою очередь, сообщил обо всем капитану, после чего тот немедленно пришел к Корво. – Я уже отправил нескольких агентов лучше все изучить. С минуты на минуту я ожидаю их донесений.

– Темные делишки в Дануолле! – улыбнувшись, заметил Джеймсон. Сложив руки на груди, он театрально поднял брови, из-за чего его челка тоже поползла вверх. – Грабители уже орудуют на кладбищах, а до Праздника Безумств еще целых семь месяцев. Кто-то не любит ждать.

Корво поджал губы, а верховный смотритель Хулан ахнул и схватился за лацканы своего бархатного плаща, явно шокированный услышанным. Эмили посмотрела на Джеймсона, изогнув одну бровь, а затем повернулась и прошла в другой конец зала, где стоял большой стол.

– Надеюсь, вы правы, мистер Карноу, – сказала она, когда к ней подошли и остальные. – Но кража у мертвых – гнусное преступление. Вот.

Все склонились над столом, на котором лежала большая карта Дануолла, прижатая по углам изящными статуэтками, изображающими золотых рыбок, которые в другое время обычно украшали витрину в дальней части зала. Корво не смог сдержать улыбки – эти статуэтки были подарками маленьких деревень Серконоса, прекрасно знакомого ему острова, где он появился на свет. Хотя он вырос в Карнаке, столице Серконоса, до смерти отца он частенько проводил время за городом, на побережье. Этот регион всегда славился рыбным промыслом.

Эмили рассказывала и показывала на карте район к северу от центра города, прямо за старой городской стеной. Корво кивал, прикусив губу, и терпеливо слушал рассказ о том, что Эмили видела своими глазами, но, не желая признаваться в своих ночных вылазках, приписала наблюдениям капитана городской стражи.

Когда она закончила, верховный смотритель поежился. Его оливковая кожа покрылась мурашками, костяшки обеих рук побелели, а он еще сильнее сжал свои лацканы.

– Это возмутительно, Ваше Величество, – сказал он. – Просто возмутительно. Кто способен на такое? Осквернять могилы тех, кто покинул этот мир, кто заслужил избавление? *Возмутительно.*

Джеймсон кивнул и, оперевшись на карту, наклонился ниже, чтобы лучше изучить план города. Челка упала ему на глаза. Из-под нее он посмотрел на Эмили и снова опустил взгляд.

– Прошу прощения за неуместное веселье, Ваше Величество, – сказал он, и Эмили кивнула в ответ. Еще раз взглянув на карту, Джеймсон выпрямился и указал на несколько мест. – В городе много кладбищ, некоторые из них очень посещаемы, как, например, мавзолей Аббатства Обывателей и главное городское кладбище, которое находится *здесь*. – Он ткнул в карту. – Но есть, пожалуй, с десяток других, очень похожих на заросшее кладбище в Новом Торговом округе... Вот здесь и здесь, насколько мне известно.

Корво посмотрел, куда указывал Джеймсон. Эмили взяла со стола еще две статуэтки и поставила их на карту, чтобы обозначить места.

– Нужно выяснить, кто за этим стоит, – сказала императрица. – Я не могу допустить – и *не допущу*, – чтобы в моей столице творилось такое беззаконие.

– Решено, – кивнул Корво. – Посмотрим, что сообщат мои агенты, которых я отправил на место преступления. Возможно, грабители оставили какие-то улики. Если банда вскрывает могилы ради денег и ценностей, есть вероятность, что злоумышленники снова заявят о себе. Я буду на связи с городской стражей – они могут отправить патрули на каждое кладбище города.

– Но тогда преступники поймут, что мы у них на хвосте, – заметил Джеймсон и снова показал на карте место преступления. – Похоже, на этом кладбище они не стали замечать следы. Этот округ стоит почти пустой, но они должны были понимать, что рано или поздно кто-нибудь все равно обнаружит устроенный ими беспорядок.

– К счастью, это случилось рано, – подал голос верховный смотритель, с презрением смотревший на карту. – В этом районе, насколько я понимаю, как раз идет перестройка. Преступление могло оставаться тайной несколько дней и даже *недель*. – Тут он снова поежился и сжал лацканы. – Будем надеяться, – тихо добавил он, – что это орудуют жадные до наживы воры, как вы и сказали. Иначе я боюсь даже представить, какова их цель. Возможно, это адепты какого-то культа Чужого – хотя мне и претит произносить его имя в присутствии императрицы – замышляют свои грязные дела. Возможно, это очередные еретики.

Хулан вздохнул, взял себя в руки, затем повернулся к Эмили и кратко поклонился ей.

– Вашу городскую стражу следует похвалить за бдительность, – сказал Корво, облизнул губы и посмотрел на Эмили, изучая ее реакцию, но она держалась молодцом и себя не выдала. Вместо этого она снова склонилась над картой.

Корво повернулся к Джеймсону.

– Вы правы, – согласился он. – Они будут настороже, но, действуя осторожно, мы... – Он кивнул в сторону верховного смотрителя. – Хулан, если вы выделите нескольких смотрителей в помощь страже, любой, кто заметит отряд, решит, что Аббатство готовится к погребальным ритуалам.

Хулан поклонился.

– Конечно, лорд-защитник, Аббатство в вашем распоряжении.

– Хорошая мысль, – подняв голову, сказала Эмили. – Мы можем сфокусировать внимание на маленьких кладбищах. – Она указала еще несколько мест на карте. – Вряд ли они решат наведаться в мавзолей Аббатства или вскрыть одну из известных могил, но и за ними тоже лучше проследить.

– Да, – кивнул Корво, – и я отправлю в город своих агентов, чтобы выяснить, не болтает ли кто о грабителях.

«И еще о чем-нибудь», – добавил он про себя.

– Нужно связаться с семьями, чьи захоронения были вскрыты, – сказала Эмили. – Я могу написать родственникам или принять их у себя, если они в городе. Я пообещаю им, что мы найдем злоумышленников и те будут наказаны.

– С этим могут возникнуть сложности, – заметил Джеймсон. – Я тут кое-что раскопал – простите мой каламбур, – и похоже, что большая часть домов в Новом Торговом округе пустует уже много лет. Полагаю, мало кто из жителей этого округа до сих пор в Дануолле. Некоторые отправились в Поттерстид и Бэйлтон, а большинство и вовсе уехали в Арран. По моим сведениям, большая часть семей происходила с Морли.

Эмили посмотрела на своего советника.

– Понятно, Джеймсон. Сделайте все, что в ваших силах. – Она взглянула на остальных. – Джентльмены, спасибо за помощь. Нужно следить за Дануоллом. Даже много лет спустя некоторые районы *до сих пор* не могут оправиться от ужасов крысиной чумы. Процесс восстановления идет медленно, но ничто не должно мешать нам перестраивать эти округа. Народ должен верить в империю, и – уверена, вы это понимаете – верить в *меня*. Может, это преступление и кажется незначительным в сравнении с тем, что этот город повидал в прошлом, но я *не могу* позволить – и не позволю, – чтобы оно сошло злоумышленникам с рук.

Все остальные, включая Корво, который не сводил с Эмили глаз, согласились с ее словами. План был вполне выполнимым – присматривать за городом, параллельно разыскивая кладбищенских воров. Само собой, искать их будут не только городские стражники и агенты Корво. Он прекрасно понимал, что Эмили возьмется за это сама.

Корво оставалось лишь надеяться, что она не будет копать слишком глубоко.

Эмили вернулась к трону. Остановившись возле возвышения, она подняла руки и трижды хлопнула в ладоши, резкий звук эхом разнесся по залу. В следующую секунду двое имперских стражников отворили двери и впустили внутрь яркий солнечный свет с террасы.

На террасе стоял молодой аристократ, должно быть ровесник императрицы, одетый в темно-зеленый бархатный сюртук с высоким воротником и отделкой из тяжелой синей парчи. Когда двери открылись, он выпрямился и посмотрел на Эмили. Корво не смог сдержать улыбки, а когда повернулся к императрице, заметил, что и она улыбается Вайману.

Корво был рад, что Эмили сумела обрести любовь, несмотря на вечную загруженность государственными делами и учебой под его руководством.

Джеймсон повернулся к трону и отвесил императрице театральный поклон, а затем попрощался с Корво и верховным смотрителем. После этого он кратко, едва заметно кивнул лорду-защитнику, и тот кивнул ему в ответ.

Так они условились продолжить эту встречу с глазу на глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.